Древняя душа. Драконы и Падшие

Автор:
Елена Амеличева

Древняя душа. Драконы и Падшие

Елена Амеличева

Том 2 книги "Древняя душа".

Три мира. Два времени. Космические полеты. Война драконов и демонов. Любовь. Ненависть. Душа, разделенная надвое. Кармическая петля. Непростой выбор. Все начинается с захвата планеты жестоким Покорителем миров с непобедимой армадой космических кораблей. Правящая династия должна быть казнена. Сможет ли принцесса убедить тирана не делать этого? Что ей предложить взамен? Но есть и вторая история – наше время, девушка убегает от бессмертного, который уже не в первый раз пытается ее убить. А потом истории миров переплетаются: их разрывает война драконов и демонов, но причина всего, любовь, может склонить чашу весов в любую сторону.

Елена Амеличева

Древняя душа. Драконы и Падшие

Глава 1. Поцелуй лун

Риэра

Я ушла из своего мира, унося разбитое сердце. Больше я ничего не взяла с собой. Только боль. В озере было темно и спокойно. Просто плыть вперед, как рыба, сквозь толщу воды, ни о чем не думая. Тьма вокруг рассеялась, золотой свет пульсировал вокруг, уплотняясь и приобретая форму фигур. Кто это? Похожи на смесь львиц с птицами. И еще у них есть хвост – как у драконов из детских книжек со сказками, что няня читала мне на ночь.

«Это симурги, – раздался у меня в голове голос Богини. – Души твоих сестер. Помогут, когда потребуются».

Что ж, пусть так, удивляться уже не получалось. Я покосилась на сияющих существ и поплыла дальше. Беспокоило только то, что Лию рядом не вижу. Надеюсь, у нее все хорошо.

Впереди свет. Но все не так, как когда смотришь со дна реки на солнце, вовсе нет. Этот свет жемчужно-розовый, никогда не видела такого оттенка! Я поднималась наверх, словно меня вытягивало из воды неведомой силой. Всплеск. И вот тело уже на поверхности. Рот жадно хватает воздух, а ведь когда плыла, об этом не думалось, совершенно!

Вода была похожа на расплавленное серебро – видела однажды, как отливают монеты, отец брал с собой. Полоска серого песка, растительность. Вдалеке белые башни, какие же они, должно быть, высокие! Кажется, что достают до темно-серого неба. А на нем… Богиня-мать! Огромный черный круг со светлой окантовкой. Мрачно, но красиво. Это затмение? Да, если присмотреться, уже видно, как диски светил начинают расходиться в разные стороны.

О, их три! Две луны – черная и светлая, примерно одного размера, и солнце. Вынырнув из-за лун, оно залило все вокруг золотистым светом. И только тогда я поняла, что сильно замерзла и поплыла к берегу.

Выбираться из воды в платье было нелегко – ставшее раз в пять тяжелее, оно тянуло меня обратно, заставляло падать. Да еще и дно проседало под ногами, засасывая ноги почти по колено. Так что на песок я практически выползла на четвереньках и тут же, сорвав верхние жесткие юбки, рухнула на спину.

Глаза утонули в небе этого мира. Не голубое, а скорее, светло-сиреневое, усыпанное «перышками» серебристого цвета, оно утянуло меня в свою высь,

позволив раствориться в красоте. Не знаю, сколько бездумно утопала в нем, но когда приподнялась на локтях, отдохнувшая, даже платье уже успело подсохнуть.

Укоряя себя, я пробежала глазами по берегу, надеясь увидеть Лию. Но на песке, что теперь ослепительно переливался под солнцем, никого не обнаружилось. Лишь один из симургов, самый маленький, с неуклюже заплетающимися лапами, гонялся за местными бабочками, которые казались сгустком блестящей пыльцы. Стоило мне подойти ближе, эти существа начали кружить вокруг. Невесомые крылышки самых разных форм и оттенков издавали нежный перезвон.

– Ты им нравишься.

Я резко развернулась на звук женского голоса и едва не упала. Незнакомка поддержала за локоть, улыбнувшись. Чуть выше меня, с длинными седыми волосами и лучиками морщинок, что расходились в стороны от уголков голубых глаз, она вызывала инстинктивное доверие.

– Детка, да ты горишь! – ахнула женщина. Перестав улыбаться, она прижала запястье к моему лбу. – Кипишь вся! Идем-ка!

Я послушно пошла с ней, чувствуя облегчение из-за того, что все позади и можно кому-то довериться. На меня разом нахлынула усталость и такая слабость, что ноги задрожали и не удержали тело. С губ сорвался стон. Перед глазами потемнело. Все, кажется, лимит выносливости исчерпан.

Как же не хочется открывать глаза! Веки тяжелые, словно на них камни лежат. Дышать больно. Тело болит. Все, полностью, везде. С меня что, кожу сняли? Вспомнился узник Деметрия, которого пожирают во время отлива мелкие ракообразные, и глаза открылись через «не могу». Темно. Значит, в этом мире тоже есть ночь. Ничего не вижу, только светло-серый арочный проем в стене напротив. Кажется, это окно.

Пить хочется. Во рту так сухо, что безумно хочется кашлять, но понимаю, как будет больно телу. Лучше сдержаться. Я повернула голову и увидела «кубик» рядом с кроватью, на котором угадывались очертания кувшина и кружки. Пусть в нем будет вода, умоляю, Богиня-мать!

Приподнявшись, я протянула к ним руку. Перед глазами помутнело, накатила дурнота, и, нащупав стакан, моя задрожавшая ладонь уронила его на пол. Звон стекла едва услышала – словно снова была под водой. Со стоном разочарования я упала на спину. Вскоре мою голову приподняли, и в рот хлынула холодная влага. Хорошо-то как! Я застонала и подалась вперед.

– Не торопись, детка. – Голос донесся издалека, не разобрать.

Хотелось поблагодарить, но едва удалось перевести дыхание, как сознание вновь ушло по своим делам.

В этот раз мне было намного лучше. Тело все еще ужасно болело, но я уже понимала, что это из-за лихорадки и не беспокоилась. Всегда быстро выздоравливала, мать даже прозвала за это ненавистную дочь сорняком.

Сама она всегда недужила с удовольствием, нещадно гоняя прислугу, желая то одно, то другое. На царственном лбу лежало влажное холодное полотенце, которое горничные обязаны были менять каждые десять секунд – и не дай им Богиня замешкаться! Отец все это выносил стоически – в его обязанности входило сидеть с трагическим видом у постели жены и сжимать ее руку при каждом тихом стоне.

Я улыбнулась, но сердце тут же словно на вертел нанизали, отправив на огонь боли. Все они погибли по моей вине. Уж лучше бы Кассия била меня каждый день, ненавидела, но была бы жива! Ведь в сердце ребенка все равно растет любовь к той, что подарила жизнь, какие бы испытания ни обрушил мир на мать и дитя.

Как жить с этой виной, Богиня? Почему я не умерла вместе с ними? В мучениях, в объятиях огня, которые заслужила! И как бы хотелось в этот момент прижать к себе Деметрия – убийцу всей моей семьи! Чтобы он испытал то же, что и мои сестры, брат, родители!

Они ушли, а я осталась совсем одна – медленно сгорать от боли и вины. У меня свой костер.

Рыдания скрутили пылающее лихорадкой тело, но на лоб легла холодная рука.

– Это боль выходит из тебя, девочка, – шепот вился вокруг. – Отпусти ее, прости себя и живи дальше.

Как же хочется последовать этому совету! Начать все сначала, в другом мире. Я замерла, стараясь ни о чем не думать, и, кажется, провалилась в сон. А когда глаза снова открылись, в комнате было темно. Воздух серой массой обнял меня, вставшую с кровати. Холодный. По коже пробежался озноб. На кровати лежал то ли плед, то ли шаль. Я взяла колючую ткань, накинула на плечи и, пошатываясь, подошла к окну-арке в стене.

Весь этот мир был жемчужным. Свет рассыпался мельчайшими блестящими пылинками вокруг, вуалью укутывая приземистые строения и высокие башни, что протыкали горизонт. По серебристому небу плыла одна из лун – темная, делая его похожим на створки раковины, хранящие драгоценную крутобокую жемчужину. Даже ветер, что обдувал мою разгоряченную кожу, был, казалось, соткан из пепельных прядок, что приятно поглаживали лицо.

Тень, промелькнувшая в небесах, заставила меня вздрогнуть. Что это? Птица? Облако? Или показалось просто? Последнее более вероятно. Нет! Вот снова! Как вспышка, только темная! Я запрокинула голову, напрягла глаза и… Богиня-мать, это же… Дракон?!

Дыхание замерло на вдохе. Огромная тень на фоне луны выглядела точь-в-точь как на картинках из книги сказок, что читала няня! Драконьи крылья закрывали темную «жемчужину», длинный хвост разрезал воздух, шея с массивной головой запрокинулась назад, и мне показалось, что я слышу его довольное рычание.

Все это длилось лишь пару секунд. Перевернувшись в воздухе, тень нырнула в легкие серые облачка, будто купаясь в них, выскользнула, прошила ночной воздух и растворилась в линии горизонта. А я все еще слышала горловой рокот этого мощного прекрасного существа.

Глава 2. Отведи меня домой

Саяна

Это и есть пресловутый Горан Драган? Тот самый, что мечтает убить Ангела? Что-то непохоже. Высокий, худощавый, длинноногий, весь в черном. Волосы темные с седыми прядками у висков, густые, до воротничка рубашки. Хищные черты лица, резкие. Его можно назвать красивым, по-женски я на него реагирую. Но глаза! Те самые, что преследуют меня с Лас-Лахаса! И почему, скажите на милость, я не узнала их, когда увидела на фото? Голова не просто идет кругом, ощущение такое, что сейчас рухну в обморок!

– Саяна! – он сделал шаг ко мне, и я поспешно отступила.

– Прости, так надеялся, что ты вспомнишь, увидев меня! – в его глазах протаяла такая боль, что стало не по себе. Она ощущалась как моя собственная. Почему?

– Ты мой враг. – Прошептала я.

– Саяна, это неправда!

– Поэтому они все здесь? – дрожащие руки очертили полукруг, указывая на его людей.

Один из них, молодой блондин, чья мерзкая туалетная вода била в нос через все помещение, уронил Алекса на колени. Другие медленно подбирались ко мне, настороженно поглядывая на Ангела, которого, очевидно, побаивались.

В темнокожем несуразном мужчине, в котором все было длинным – сам он, ноги, руки – чувствовалась сила, с которой мне будет сложно поспорить. Похож на богомола. Темноволосая девушка, совсем еще юная, но вовсе не простая, не сводила с меня взгляда странных глаз – они такие же неуловимо нечеловеческие, как у демонов! С ней тоже нелегко сладить, это очевидно.

– Отойдите все, – Драган вынул из перевязи под черным пиджаком кинжал и протянул мне рукоятью вперед. Когда я взяла его дрожащей рукой, санклит опустился передо мной на колени. Его люди, отступившие на несколько шагов, напряглись.

– Ты можешь убить меня, если хочешь, но сначала выслушай.

– Говори. – Рука сжала клинок.

– Я не знаю, что Алекс наплел тебе, Саяна. Мне известно лишь, что этот мерзавец напоил тебя водой Леты, чтобы ты все забыла.

– Река забвения! – потрясенно прошептала я. Нервный смешок замер на губах – вспомнился поисковый запрос на ноуте Орлова. – Это же сказки!

– Сказки? – Мужчина усмехнулся. – Как и санклиты, Охотники, демоны-оборотни, ангелы, Люцифер?

– Он тоже есть?

– С ним ты уже разобралась, родная.

– Что?!

– Прости. Все тебе обязательно расскажу, но позже, хорошо? – он несмело улыбнулся.

– Саяна, он лжет! – выкрикнул Алекс.

– Я всегда говорил ей правду! – рявкнул Драган, окатив его взглядом, полным ненависти.

– Ты сделал ее такой, это твоя вина! – Орлов захлебнулся негодованием, но блондин, что стоял рядом, врезал ему кулаком по лицу.

– Еще раз так сделаешь, познакомлю твой нос с моей ногой, понял? – прошипела я, глядя в голубые глаза.

– Саяна… – он растерянно посмотрел на меня.

– Она права, Спиридон. – Вмешался Горан.

– Почему ты решил, что мне проще поверить тебе, а не собственному мужу? – ощетинилась я.

– Мужу?! – он бросил на Алекса испепеляющий взгляд. – И на это совести хватило? – глаза непонятного цвета вновь замерли на моем лице. – Я твой муж, Саяна, а не он.

– Ложь! – снова взвился Орлов.

– Наши с ней дети, крохи, у которых ты украл мать, тоже ложь?! – громыхнул санклит. – Смотри сама, родная. – Он протянул мне смартфон.

С экрана на меня глянули два ангелочка: мальчик-блондин с васильковыми огромными глазенками и темноволосая девочка. Те самые малыши, которые в моем сне плакали и звали маму! Как же сразу не догадалась – вот кого они мне напоминали, мое собственное отражение в зеркале!

– Это мои дети?.. – потрясенно прошептала я.

– Наши дети. – Тихо уточнил Горан. По его лицу потекли слезы. – Саян и Горана.

– Но… как же авария, в которую я попала? – мой взгляд переместился на Драгана. – Алекс говорил…

– Авария?! – санклит закатил глаза, стиснув кулаки. – Единственная авария – это он сам!!!

– Встань. – Прошептала я. – И… Отведи меня к нашим детям, Горан. – Он протянул руку и улыбнулся, когда моя ладонь легла в нее. Доверчиво улыбнувшись в ответ, я пошла с ним к лестнице, даже не оглянувшись на крики Алекса, который умолял меня остаться.

Забрав из сейфа кольца, я прихватила и бутылку с остатками воды – похоже, той самой – Леты, реки забвения. Мы с Гораном вышли из дома. Во дворе лицами в землю лежали демоны. Как же их много! Я вгляделась в девушку, чье лицо

закрывали спутанные волосы. Она мотнула головой, ненависть в ее глазах резанула по мне. В горле демоницы заклокотало рычание. Зоя. Я вспомнила об Агоре, но сказать не успела – меня сжали в объятиях.

– Саяна! – выдохнул на ухо мужской голос. – Наконец-то нашлась! – борода уколола мое лицо, но беспокоиться, похоже, было не о чем – Горан хоть и был по виду недоволен, но все же усмехался.

Когда незнакомец отпустил меня, я воспользовалась случаем рассмотреть его. Пожилой, с очевидным лишним весом, со стремительно редеющими волосами, едва прикрывающими залысины, но, как назло густой и кучерявой бородой, в которой серебрились нити седины. Цепкий взгляд из-под кустиков бровей пробежался по мне. В глазах тоже сияли слезы.

– Это Давид Гор, глава Хранителей, – пояснил Драган. – Она не помнит, прости. – Он перевел взгляд на мужчину.

– Так ты был прав! – тот крякнул. – Орлов все-таки напоил ее этой чертовой водой! Под трибунал его мало отдать за такое!!!

– Приятно познакомиться… снова. – Мне оставалось лишь улыбнуться.

– А я глава твоей охраны, – вклинился в разговор темнокожий мужчина с несуразно длинными конечностями. – Николае Ковач.

– Здравствуйте, Николае. – Я пожала его детскую на вид ладошку и сморщилась – значит, сила в нем мне не почудилась.

– Ты звала меня Нико. А это Спиридон, – он кивнул на блондина, что вонял ужасной туалетной водой.

– Спиро, – поправил тот.

– И Гайя, – продолжил Нико, указав на юную девушку со странными глазами.

– Демоница. – Она сразу предпочла расставить все по полочкам, глянув исподлобья.

– Ничего страшного, – я усмехнулась – она мне нравится. – Кстати, там Агор в погребе сидит.

– Извини, гад сбежал. – Высокий шатен с хвостиком крепко обнял меня. – Рад, что ты в порядке, девочка моя ненаглядная!

Мой взгляд вновь устремился к Горану. Плотно сжатые зубы, глаза полыхают. Ревнует!

– Привыкай, это месяца на два, Драган, – Нико похлопал его по плечу. Тот кивнул, что-то бурча себе под нос. – Хан, Саяна тебя не помнит.

– Я Данила, глава Охотников, – мужчина встревоженно вгляделся в мое лицо большими серыми глазами. Кажется, у него ко мне чувства, которые он даже не думает скрывать? У нас что-то было в прошлом? Кто бы рассказал, чем я до амнезии увлекалась? Хотя бы знала, как реагировать. – Внешне ты совсем не изменилась. Стала даже еще красивее!

– Наглеешь, Хан. – Горан не выдержал и оттеснил его от меня.

– И ты, Драган. – Не остался в долгу глава Охотников, с усмешкой глянув на него. – Если Саяна потеряла память из-за Орлова, то тебя она тоже не помнит. А это значит, что ты не имеешь ровным счетом никакого права тут распоряжаться!

– Повтори! – рявкнул мой супруг, двинувшись на него.

– Да без проблем! – тот сжал кулаки.

– Стойте! – меня буквально толкнуло в спину, словно Крылья проснулись, заставив встать между ними. Одна рука легла на грудь Охотника, другая – санклита. – Прекратите!

– А что вообще изменилось-то? – Нико изогнул бровь. – Рычит она, как и ты, Горан. Зад демонам надирает по-прежнему. Саяна все та же!

– Весьма странно, – пробормотал Давид, задумчиво глядя на меня. Почему-то именно это остудило Драгана и Хана – оба уставились на главу Хранителей. – Я консультировался у наших спецов, – пояснил он, – они в один голос заявляли, что ты должна быть полностью обнулена, Саяна. Человек вообще под воздействием воды Леты становится, э-э…

– Овощем? – сорвалось с моих губ.

– Скорее, младенцем – рефлексы присутствуют, но только основные, все остальное стирается подчистую. Даже ходить и говорить надо учиться сначала.

– И он дал мне эту воду, зная?.. – слезы стиснули горло, не позволив договорить.

– Возможно, Орлов не знал. – Давид отвел глаза.

– Убью подонка! – Горан прижал мою ладонь, все еще лежащую на его груди, своей рукой и отпускать, похоже, не собирался. Я не возражала. В его взгляде взвилась боль, отразив мою.

– Мы разберемся с ним, – на лице Данилы заходили желваки.

– Вернемся к важному, – я поморщилась. – Почему на меня вода повлияла по-другому?

– Потому что таких, как ты, больше нет. – Супруг одарил меня нежной улыбкой.

– А если без лирики?

– Тогда не знаю, как это назвать. – Продолжил глава Хранителей. – Даже черты характера сохранились! А то, что ты помнишь боевые искусства – вообще нонсенс, которому нет объяснения!

– Есть, – Нико усмехнулся, – ее учили лучшие! – он ткнул пальцем себе в грудь.

– А ты скромный, да? – я прищурилась.

– Верхом на метле! – фыркнул богомол.

– На ней, родимой. – Пробормотали губы.

– Говорю же, она все та же! – глава охраны рассмеялся.

– А ведь должна была… – Давид осекся.

– Что? – я вгляделась в его лицо. – Говори, как есть. Стать обычной слабенькой смертной?

– Да. Но Драган прав, ты одна такая, других нет.

– Это точно. – Вставил свои «пять копеек» Спиро. Его взгляд обжег меня откровенным обожанием. Твою мать, с ним у нас тоже что-то было? Кажется, я женщина легкого поведения! Бедный Горан! – муж тем временем взял мою свободную руку и начал пристально разглядывать.

– Но раны заживают медленнее, чем раньше. – Пробормотал он. А мне думалось о другом – его касания не казались навязчивыми, это было словно само собой разумеющимся, я не вздрогнула, как если бы кто-либо другой так сделал. Кто-то чужой. – Больно? – санклит подул на костяшки, сбитые в кровь о морду Агора.

– Нет, – прошептала я, утонув в его взгляде и тут же смущенно отведя глаза, хотя хотелось смотреть и смотреть. Наверное, каждая женщина втайне или явно желает, чтобы на нее так глядели – с всепоглощающей любовью, пронзительной нежностью, обожанием и страстью.

– А ведь нашли мы тебя по кровавому следу, – Давид направил мои мозги в другую сторону. – В смысле, по тем, кого ты исцелила. Не верили, что ты, обнуленная, на это способна. Только Драган был уверен. А уж когда нашли колумбийку пожилую, велосипедиста, убедились. Ну, и Марек, конечно же, рассказал, что это ты была.

– Так он жив! – крикнула я. Невероятно, ведь видела, как мужчина упал с большой высоты, когда Алекс выкинул его из кабинки канатной дороги!

– С твоей кровью в организме он выжил бы, наверное, даже после того, как его переехала бы машина! – проворчал Горан. – Иногда, Господь свидетель, хочется именно так с ним поступить! Хотя он живуч, как таракан!

– Почему? – искренне удивилась я, а потом прикусила язык – вспомнила, как Марек признавался в любви. Нет, мне точно пора поработать над репутацией!

– Вот именно! – Драган одарил меня красноречивым взглядом. – Приставучий, как репей! А теперь, с твоей кровью, он вообще прохода тебе не даст!

– Мы, вроде, о другом говорили.

– Стрелочница! – фыркнул Нико.

– Он всегда такой? – я кивнула на главу охраны.

– Эй, я просто счастлив, что ты снова с нами!

– Уволю ведь!

– Не, ты меня любишь!

– И тебя тоже? – простонала я.

– Не в этом смысле! – Ковач окончательно развеселился.

– Что значит тоже? – Драган напрягся.

– Забыла уже! – я невинно захлопала глазками и перевела взгляд на бородатого. – Так почему это все тебя так настораживает, Давид?

– С чего ты взяла?

– Может, все-таки честно скажешь, если мы старые друзья?

– Хорошо. – Цепкий взгляд из-под кустиков бровей впился в мое лицо. – Я вспомнил, как ты говорила – если сила растет, то для чего-то.

– Это слова Сэмуэля. – Губы жили своей жизнью. – Оу, кто такой Сэмуэль?

– Архангел. – Пояснил Нико, ему это явно доставляло удовольствие. – Вы с ним друзья.

– А с Господом я не на «ты» случаем?

– Нет. – Мрачно ответил Горан. – По крайней мере, пока.

– Все, хватит на сегодня! – разум взмолился о пощаде. – Вези меня к нашим детям! Остальное – потом!

Глава 3. Древо Офель

Риэра

– Проснулась? – голубые глаза в ловушке сети из морщинок пристально меня оглядели. – Как чувствуешь себя?

– Лучше, – голос был хриплым, да еще тут же напал кашель. Моя спасительница налила мне стакан воды и помогла ее выпить, поддерживая донышко. – Спасибо вам!

– Пожалуйста, детка. – Женщина поставила посуду на «кубик»-тумбочку. – Как тебя зовут?

– Кас… – начала я и запнулась. Нет, не Касикандриэра. Нужно забыть о роде Касик, да и наследной принцессы уже нет. – Риэра. – Твердо сказала я. – Так меня зовут. А вас?

– Не выкай, – спасительница усмехнулась. – У нас не принято. Зови Цета. Я настоятельница храма Офель.

– Офель?

– В твоем мире богиню зовут по-другому?

– Вы… знаете? – потрясенно прошептала я.

– Что ты иномирянка? – моя спасительница расхохоталась. – Детка, я тебя во сне давненько вижу! Видимо, Богиня свела нас. Но другим советую о переходе не рассказывать – это не для чужих ушей.

– Со мной была еще служ… – Снова пришлось прикусить язык. – Девушка была, Лия.

– Не объявлялась такая. Всему свой срок. А сейчас давай приведем тебя в порядок, садись. – Цета поставила на табурет у кровати тазик с водой и опустила туда белую ткань, что мяла в руках. Большие руки женщины скрутили мои волосы в жгут, ловко закрепили в пучок на затылке с помощью палочки и распустили завязочки просторной рубахи, в которую я была одета, заставив ее осесть до талии.

– Цета, ночью мне кое-что показалось. – Смущаться я не стала.

– Что, детка? Подними руки.

– Смотрела на небо и… Увидела дракона.

– Зачем вставала? – женщина укоризненно глянула на меня. – Ложись, обмоем остальное.

– Может, я сама?

– Ты слабая, как новорожденный котенок! – она фыркнула и приступила к обмыванию того, что ниже талии, заставив меня покраснеть. – Зачем вставала? Могла упасть, удариться!

– Так они мне почудились? – я нырнула головой в свежую рубаху взамен прежней и с облегчением натянула подол до пят.

– Нет. – Цета отвела глаза и пробормотала, – но странно, что они тебе открылись.

– Как это? – мне пришлось лечь на бок, чтобы настоятельница смогла стянуть с постели белье.

– Их редко кто может видеть. Чаще всего они не разрешают. Драконы наши Владыки. К ним не всякий даже просто приблизиться может. Только их слуги – айки у Владык воды и горный народ у Владык суши. И живут обособленно – башни белые видела, поди? Это их замок, Владык суши, сейчас они – правящая династия.

– А как же они в башнях? – голова пошла кругом от обилия информации. – Ведь драконы же?

– Детка, – женщина рассмеялась, – драконы – это обличие их силы. – А в обычном они как все мы выглядят. Ну, или почти. В мирах на нашей ветке практически все народы схожи.

– Ветке? – я совсем растерялась.

– Богиня тебя учиться привела сюда, очевидно. – Она заправила углы простыни под тюфяк, стянула наволочку с подушки и замерла. – Если кратко: миры – это древо, наша ветка – семь миров, они похожи. Во всех почитают Богиню. В твоем ведь тоже есть жрицы?

– Кахары.

– Мы их зовем также. С древнего языка переводится – знающие. – Цета положила в ноги новое одеяло и, зажав подмышкой грязное белье, свободной рукой прихватила таз, уперев его в бедро. – Богиню называем Офель. А вы?

– Богиней-матерью.

– Не страшно. Важна суть. Еще у нас в храмах растут древа Офель.

– У нас таких нет. А что это? – я с удовольствием улеглась на свежее постельное, пахнущее только что срезанной травой.

– О, не объяснить. Увидишь. – Глаза женщины засияли. – Это волшебство! Отдыхай пока, скоро принесу покушать. И не вставай!

– Хорошо! Не знаю, как тебя благодарить!

– Спасибо уже сказала, вполне достаточно. – Настоятельница ушла. А я не заметила, как провалилась в сон.

О, светло! Сегодня принцесса для разнообразия проснулась днем! Бывшая принцесса, напомнила я себе, с удовольствием потянувшись. Лихорадка, похоже, отступила. Хватит валяться, там целый новый мир совсем не познанный, а я только и делаю, что чахну и сплю! Пора начинать обустраиваться на новом месте. Вот прямо сейчас и начну!

На табурете обнаружилась одежда. Я повертела ее в руках – это же платье, что надевается на исподнее? А где само одеяние? Или здесь так принято? Уж начинать все сначала – так по правилам этого мира. Надо посмотреть на местных. Подойти к окну было легко, хоть ноги и дрожали. Снаружи кипела жизнь. И на женщинах на самом деле было только одно платье! Что ж, тогда и мне нечего стесняться.

Я переоделась в темно-коричневое платье. Такое легкое! Или так кажется после тех монстров, которые напяливать удавалось лишь с помощью Лии? Где она сейчас? Жива ли? Надеюсь, Богиня о ней позаботилась, и мы еще свидимся. Зеркала в комнате не было, я оглядела себя, как могла. Вроде, не особо отличаюсь от тех девушек, что видела на улице. Я расчесала волосы гребнем, что нашла на тумбочке, скрутила в жгут, как недавно делала Цета, закрепила палочкой и села на кровать. Сердце стучало как бешеное даже от такой малой нагрузки.

Но как только оно успокоилось, любопытство заставило меня встать и направиться к выходу. Дверь скрипнула недовольно, выпустив в коридор, который привел во внутренний дворик с потрясающим цветником. Ни одно растение мне не было знакомо, но это не помешало восхищенно ахать, рассматривая их. Дорожка, что вилась в тени высоких деревьев, привела к такой низенькой калитке, что казалось, ее и перепрыгнуть несложно. Не в моем состоянии, конечно – сердце билось в горле, воздуха не хватало, слабость кружила голову, да еще и подташнивало.

Но я жадно глазела по сторонам, рассматривая, кто чем занимается, что как устроено. Люди вокруг, в основном, хлопотали по хозяйству – ухаживали за грядками, кормили лошадей и других животных, разгружали подводы с мешками, носили ведра с водой и много чего еще. Это даже немножко разочаровало – ощущение, что я в гостях в соседнем городке, а не в ином мире! И это вместо того, чтобы радоваться! А если бы тут какие-нибудь одноглазые зеленые пузыри жили вместо людей, лучше было бы?

Смех вырвался изо рта хрюканьем. А что, Риэра больше не принцесса, приличия чопорно соблюдать не обязана! Я и вовсе развеселилась, когда местные свинюшки в загоне подняли головы и захрюкали в ответ. Вот и мои первые подружки!

– Животным вы нравитесь, – раздалось сзади.

– Спасибо, – я посмотрела на жгучего брюнета с кучей бумаг в руках, которые он прижимал к груди. Симпатичный, но мне сейчас не до любовных перипетий – уж точно! Ноги сами понесли прочь.

Жизнь текла мимо. Что ж, все верно – она продолжается, несмотря ни на что. Можно сделать лишь одно – влиться в ее поток. А вот, очевидно, и двери в храм – над нашими точно такая же вязь была. Но эти огромные – приходится голову запрокидывать, чтобы верх разглядеть. Белоснежная махина тоже, по-видимому, никогда не закрывалась – она уже вросла в землю.

Но самое интересное обнаружилось внутри. Коридор вывел меня в просторный, наполненный прохладой зал овальной формы. Здесь правила бал приятная полутьма. И тем неожиданнее и прекраснее выглядело оно – древо Офель, раскинувшее ветви под столбом солнечного света, что бил из широкого

отверстия в центре купола.

Обычным был лишь ствол – коричневый, покрытый корой, на вид шершавый. От него в разные стороны расходились ветви – серебристые, мерцающие, они медленно раскачивались, словно древо в полусне шевелило «руками». Наверное, поэтому все, кто был в храме, разговаривали только при необходимости, и то – шепотом. Толстые ветки переходили в более тонкие, уже золотистые, что оканчивались листьями.

Именно они были самым необычным – небольшие, с половину ладошки младенца, прозрачные, почти ромбовидной формы, эти листики словно таили внутри жидкий огонь, что плавно, тягуче перетекал из верней половины в нижнюю, сворачиваясь уютным клубочком, а потом начиная двигаться в обратном направлении! Цета права – это волшебство!

На глазах выступили слезы. Сердце пронзительно пело, поражаясь этой красоте и силе. Я опустилась перед древом на колени, прижав руку к груди. Вся боль, загнанная мной вглубь, неожиданно всколыхнулась, как муть со дна грязной реки, и обрушилась с новой силой, безжалостно сминая душу. Всхлип перерос в хрип, словно меня душили. Тело затрясло и…

Время шло мимо меня, я отдавала страдания богине Офель, излечиваясь, успокаиваясь, набираясь сил. Глаза тонули в картинках, что сливались в одну сплошную цветную линию, размазанную и непонятную. Древо трепетало надо мной ветвями, все понимая и забирая, разгоняя боль, раздирающую внутренности. Золотой свет, маленькими облачками собираясь из отсветов огня внутри прозрачных листьев, окутывал меня согревающим пологом.

Боль стихла. Душа успокоилась. Я прикрыла глаза, отдаваясь приятному ощущению – словно внутри меня тот же золотой свет, исцеляющий раны и дарящий силы. Которые мне скоро понадобятся.

Эта мысль вторглась в покой и заставила распахнуть глаза. Рядом никого не было. Сияющий столб, в котором тонуло древо Офель, меркло – видимо, в этом мире наступает вечер. Я поднялась с колен. Как же спокойно внутри! Чистая благодать.

– Не забудьте взять лист. – Уже знакомый голос.

Тот же жгучий брюнет, только уже без бумаг. Когда он успел подойти?

– Лист? – переспросила я.

– Вы нездешняя, очевидно. – Парень улыбнулся. – После молитвы принято просить благословения. Вот так. – Он подошел к древу и протянул руку. Одна из ветвей плавно скользнула к ней, и лист лег прямо в ладонь. – Их носят на груди, у сердца, это помогает знать, что желание искренне, а помыслы чисты.

– Как? – я подошла ближе.

– Пока кулон не обжигает вас, все хорошо. А если появляется неприятное ощущение, надо разбираться, что не так.

Я тоже протянула руку, и в мою ладонь тоже лег лист – холодный, тяжелый, с клубочком огня внутри. Какой же он красивый! Хочется смотреть и смотреть!

– Возьмите, – брюнет снял с шеи цепочку. – На ней есть крепление как раз для листьев древа.

– Спасибо, не нужно.

– Не стесняйтесь, у меня есть другая. К тому же, от дара, сделанного перед древом Офель, нельзя отказываться.

– Это вы только что придумали? – я улыбнулась, но позволила ему положить цепочку на мою ладонь.

– Вы мне льстите, я не такой изобретательный. – Парень защелкнул хитроумный замочек. – Можете надевать. – Я последовала совету и убрала прохладный лист за неглубокий вырез платья. – Теперь вас еще и дар друга оберегает.

– Что это значит?

– Искренний дар перед древом – дар друга. Если цепочка порвется, вы в беде.

– Простите, как вас зовут? Может, представитесь, если уж мы теперь друзья?

– Ох, простите! – брюнет надул щеки, качая головой. – Матушка приказала бы меня выпороть!

– Непременно! И была бы права!

– Я Аматар. – Он отвесил красивый поклон. – Средний принц-дракон.

Глава 4. Слезинки на ресничках

Саяна

Дорога была долгой. Я попыталась расспрашивать Горана о моей – или уж скорее нашей – жизни, но все его объяснения в голове попросту не усваивались. Потому что думалось только о малышах. Мы пересаживались с одного вида транспорта на другой – вертолет, самолет, машина – а я никак не могла свыкнуться с мыслью, что у меня есть дети. У нас с Драганом. Двое маленьких карапузов. Мальчик и девочка. Саян и Горана.

Дурацкие мысли терзали душу. Вспомню ли я их? А если нет? Вдруг они останутся для меня чужими? Вдруг не удастся их полюбить? Какой я была матерью? С такой-то жизнью? Что сейчас смогу им дать? Как защитить, воспитать, научить, если сама толком не понимаю, что делать?

За окнами джипа мелькал Стамбул. Уверена, что раньше любила его, чувствую. Но сейчас не до него. Особняк у меня тоже интереса не вызвал. Я быстро прошла внутрь и в душе все перевернулось.

Помню этот плач! Слышала его во сне. Два малыша звали маму. Никого не слушая, не обращая внимания на тех, кто двинулся ко мне, чтобы обнять, я стрелой, пулей, молнией взлетела по лестнице, ворвалась в комнату и увидела их. Мальчик-блондин с моими глазами и темноволосая девочка, лежавшие на огромной кровати. На их ресничках дрожали слезинки.

– Зайчики мои! – я легла рядом с ними, и карапузы затихли, перестав плакать.

Из меня же, наоборот, слезы полились ливнем. Мои дрожащие руки гладили животики малышей, перебирали прядки их мягких волос, касались крохотных пальчиков. Да, память не вернулась волшебным образом, но в самой сердцевине души расцвела та любовь к моим детям, что зародилась, должно быть, в тот момент, когда я ощутила их в себе. Она никуда не делась – потому что ее невозможно вытравить из меня ни водой Леты, ни чем-то другим. Эта любовь останется с ними, чтобы оберегать и помогать, даже если меня не станет.

Проклятый Алекс! Он отнял мои воспоминания о том дне, когда во мне появилось первое подозрение, что внутри кто-то есть. Стер то мгновение, когда рука легла на еще плоский живот, ощущая, как замирает сердце. Украл счастье того времени, когда дети росли в моем чреве. Забрал воспоминания о том, как они впервые толкнулись, как устраивали революцию, проснувшись ранним утром и разбудив маму, как икали, заставляя меня хохотать, как родились, дав возможность наконец-то взять их на руки, посмотреть в опухшие глазенки, пересчитать пальчики и прикоснуться к мокрым волосикам! Я захлебнулась плачем, выпуская боль от такой несправедливости. Все утеряно – самое сладкое, драгоценное и неповторимое! Мерзавец!!!

Так, надо успокоиться. Сделать вдох через всхлипы, медленно выпустить воздух наружу. Все кончилось. То время позади, его не вернуть. Но впереди вся жизнь, которую я проживу так, чтобы не пропустить ни мгновения! Мы проживем. Мой замутненный слезами взгляд остановился на лице Горана, что стоял рядом. Оно было мокрым от слез.

– Забыл уже, какие они, когда не плачут.

– Почему?

– Они плакали, не переставая, с того момента, как этот ублюдок похитил тебя. – Срывающимся шепотом пояснил мужчина, подойдя ближе к кровати. – Затихали, только когда я укутывал их в твой халат – он пах тобой. А теперь улыбаются – мама вернулась! – на его лице тоже протаяла нежная улыбка.

– Мама вернулась. – Эхом повторила я, коснувшись сначала щечки сына, потом вытерев мокрую дорожку от слезинки на личике дочери. Не отойду от вас

больше, любимые мои крохи, ни за что! – Можно мне побыть с ними? Все остальное потом, хорошо?

– Конечно, родная. Но придется потревожить вас через несколько часов, чтобы покормить их.

– Делай все, что необходимо.

– Хорошо. – Горан тихо вышел из комнаты.

Я положила руку на их животики. Саян обхватил мой большой палец, Горана цепко сжала мизинец. Просто лежать рядом и смотреть на них, смотреть, смотреть, смотреть…

Я резко открыла глаза. То самое ощущение, когда говорят – словно что-то толкнуло изнутри. В комнате было темно, и потребовалось время, чтобы вспомнить последние события и сориентироваться. Я дома. Так необычно звучит! Но что за странные ощущения? Рубашка будто мокрая.

Рука скользнула на грудь. Мокро, липко. Что такое? И запах, непонятный, но смутно знакомый. Я посмотрела на малышей, которые проснулись и вовсю водили носиками, будто принюхивались, и меня осенило – молоко вернулось! Вот такие чудеса!

– А вы все уже поняли, да? – с губ сорвался смех. – Тогда сейчас будем вспоминать, как вас кормить. Дайте мне минутку. – Я встала с кровати, крохи захныкали, недовольные тем, что молокозавод сбегает. В рекордные сроки ополоснув грудь, я переоделась в халатик, что висел в ванной, и вернулась к ним. – Ну, кто первый? Может, ты, доченька?

Осторожно взять на руки, положить головкой на сгиб локтя, достать грудь… Маленький ротик сам поймал сосок, зачмокал, и Горана довольно засопела. Все просто. Тело помнит. Я погладила ее по головке и даже не услышала, как в комнату кто-то вошел. Лишь почувствовав, что рядом кто-то есть, подняла глаза и увидела Горана с двумя детскими бутылочками в руках.

– Но как?.. – Потрясенно прошептал он.

– Вот такое чудо, – отшутилась я. – Оно просто вернулось. Не знаю, как. И если честно, мне все равно.

– Это ты – чудо, – мужчина отвел взгляд.

– Не стесняйся, это и твои дети тоже. Садись, поможешь.

– Как скажешь. – Горан присел на край кровати, положил на плечо полотенце, взял у меня наевшуюся Горану и, поставив столбиком, осторожно постучал по ее спинке. Девочка смачно рыгнула, выпустив воздух и немного молока осталось на полотенце. Чувствовалось, что санклиту не впервой. – Наелась маминого молочка, зайчонок? – заворковал он, и мое сердце сделало кульбит, сжавшись от нежности.

Я отвела взгляд и начала кормить Саяна, что терпеливо ждал своей очереди. Его светлые кудряшки мне кого-то напомнили, но воспоминания были все также неуловимы. А вот Мачу-Пикчу воскресить в памяти удалось без проблем. Как забыть, что завидовала ее тихому семейному счастью, не подозревая, что сама родила двух таких потрясающих карапузов! Вот оно, мое место – рядом с ними тремя, детьми и мужем. Вместе мы со всем справимся, обязательно!

– Справимся, родная. – Голос Горана прозвучал тихо, но в нем было столько уверенности, силы, любви, что я не сразу поняла, что сказала это вслух, завороженная ими.

Засыпающий Саян отправился к папе. Уложив его к уже уснувшей сестренке, Драган посмотрел на меня.

– Ты, наверное, голодна?

– Не думала об этом. – Желудок недовольно забурчал.

– Всегда забываешь поесть. – Супруг вздохнул. – Теперь ты снова их кормишь, надо самой хорошо питаться.

– Похоже, этим у нас заведуешь ты?

– Верно. Пойдем на кухню.

– Как скажешь. – Но стоило отойти от постели, как малыши захныкали. Мы с Гораном замерли. Они стихли. Я сделала шаг – послышался плач.

– Все в маму, – вздохнул санклит, уложив их в переносную колыбельку. – Или будет, как они хотят, или начнется шантаж!

– Я, вроде бы, Ангел! – возмутилась моя вздорная половина.

– Ангел. Но, как говорит Нико, верхом на метле! – он подхватил люльку. – Идем.

– Вот нажалуюсь Архангелу!

– Сэмуэль прекрасно осведомлен о характере своей Крестницы, так что не поможет. – Войдя на уютную кухню, Драган поставил колыбель на пол и начал накрывать на стол.

– Давай помогу. И почему Крестницы?

– Потому что он кровь тебе свою давал.

– Вот это подробности выясняются!

– То ли еще будет! – по кухне поплыл умопомрачительный грибной запах, и я заводила носом, как недавно Саян с Гораной. – Кушай.

Суп был потрясающим – нежный вкус обволакивал рот, раскрываясь десятками оттенков – белых грибов, слегка поджаренного лука, нежных сливок, зелени и бог знает, чего еще! Постанывая, я опустошила большую глубокую тарелку и потребовала добавки. И снова.

– Кто готовил это чудо? Поцелую!

– Готовил я. – Глаза мужчины полыхнули.

– Тебе нужно быть шеф-поваром, Горан!

– Был. – Его взгляд искрился смехом. А мне мой пришлось отвести, потому что прекрасно понимала, о чем мужчина думает. Кто Ангела за язык тянул? – Успокойся, целовать повара не надо, достаточно видеть, с каким удовольствием ты ешь.

– А теперь, если ты не возражаешь, пойду спать, – чувствуя, как полыхают щеки, я встала и погладила раздувшийся живот. – Ощущение, что третьего детеныша жду!

Глаза санклита широко распахнулись.

– Вооот, – Ангел довольно хихикнула, – а не надо было над женой подшучивать! Чревато глумиться над Ангелом! Успокойся, пополнение в нашем семействе пока не планируется.

– Пока? – уточнил супруг, усмехнувшись.

– Рисковый ты парень!

– Прости. – Его улыбка способна айсберги растапливать! Не пускайте его в ледники, и так всемирное потепление на планете!

– Что? – спросила я, увидев, что мужчина побледнел и сжал спинку стула.

– Не смотри так, умоляю! – хрипло взмолился Горан.

– Как так?

– Когда твои глаза темнеют, словно океан в шторм! У меня все ограничители слетают! А права нет даже прикоснуться к тебе, Саяна!

Я утонула в его полыхающем взгляде. Ноги сами собой сделали шаг к супругу. Остановилась лишь потому, что уперлась в стул, что стоял между нами. Впрочем, в ту же секунду его спинка в щепки разлетелась под руками Драгана, а остальное он отшвырнул в сторону. Теперь нас разделял один шаг.

– Саяна!!! – громкий вопль вдарил по ушам. Кто-то налетел на меня, подхватил, сжал и закружил в воздухе, то ли плача, то ли повизгивая от избытка чувств. – Нашлась!

Я смиренно дождалась, когда меня поставили на ноги, и разглядела, наконец-то, того, кто был так рад меня видеть. Блондин чуть ниже ростом, чем Горан. На голове черт-те что, словно вообще не знаком с расческой, босой, джинсы дыра на дыре – модник. В глазах, демонических, прозрачно-голубых, как льдинки, слезы. Веки припухшие, но ему это идет. Типичный плохиш из тех, что нравятся девочкам.

– Не узнала?.. – блондин так расстроился, что стало стыдно.

– Прости.

– Не твоя вина, это все Орлов! – он вновь сжал меня в объятиях. Я покосилась на Драгана, что смотрел на нас с завистью. – Ничего, мы снова подружимся! – незнакомец отстранился, окинул взглядом кухню, увидел поломанный стул и хмыкнул. – Я, похоже, не вовремя, ага. Вы тут тоже, это, вспомнить пытались?

– Твоя прозорливость немного запоздала. – Процедил Горан.

– Так, пойду-ка спать! – заявила я. – От греха подальше!

– Этот грех все равно за тобой хвостиком ходить будет! – крикнул вслед блондин. Да мне и оглядываться было не нужно, чтобы понять – Горан идет следом. – Я, кстати, Сеня!

– Божье наказание ты! – рявкнул на него Драган.

– Буду спать с малышами, ты не против? – Я остановилась перед дверью и посмотрела на него.

– Все, что захочешь, родная. – Его полыхающий взгляд обжег меня, но лучше отвести глаза. На кухне был порыв, но на самом деле мне все это сейчас не потянуть. – Так не хочется от тебя уходить! – прошептал он.

– Прости, понимаю, что ты мой муж, но…

– Что ты, Саяна, – перебил мужчина, – у меня и в мыслях не было, поверь!

– Спасибо, Горан.

– Держи, – санклит протянул мне колыбель. – Осторожнее, они тяжелые стали.

– Своя ноша не тянет. – Я сжала ручку люльки. И правда, увесистая.

– Раньше ты говорила также. – Супруг покачал головой. – Господи! Прости, знаю, Ангел.

– Что?

– Это была одна из твоих любимых шуток. Когда говорил Господи, ты уточняла – нет, ангел.

– А как так вообще получилось?

– Это разговор на несколько часов, а то и на весь день. Ты измотана, Саяна, отдыхай, завтра поговорим. Если что-то будет нужно, я в соседней комнате. В смысле, если чего-то захочешь… Черт, еще пошлее звучит!

– Ты рядом, поняла. – Я вошла в комнату, закрыла дверь и расхохоталась. Смех Горана в коридоре вторил моему. Одного не понимаю, почему весь этот шум до сих пор не перебудил малышей? Воистину, не дети, а ангелочки!

Глава 5. Полукровка

Риэра

– Нет, детка, их не сюда, – Цета указала мне на соседнюю клумбу. – Растения как люди – расцветут лишь будучи на своем месте. Гляди, – она указала мне на ту грядку, куда я хотела подсадить саженцы, что держала в руках. – Вот эти, желтые, никакой конкуренции не потерпят. На своей клумбе никому больше красоваться не позволят. Любых соперников корнями опутают и задушат, все дела грязные провернут под землей, никто и не заметит. – Женщина усмехнулась. – А они останутся как будто и ни при чем.

– А куда тогда?

– Вот к этим, они попроще, – настоятельница кивнула на малышей с голубыми соцветиями, – компании будут только рады. Помогут новичку прорасти, не обидятся, даже если он будет использовать их как опору, чтобы тянуться ввысь.

– Ну, тогда встречайте новых друзей, – я присела и начала рыхлить землю. – Цета, ты обещала рассказать о драконах.

– Что ж. Ты уже знаешь, что есть Владыки суши и Владыки воды. Владыки суши сейчас правят нашим миром. Есть три принца: Алатар, Аматар, Асатар.

Хотела сказать, что это довольно странные имена, но промолчала – мне ли, бывшей принцессе с непроизносимым именем, такое говорить.

– Асатар – младший, непутевый. – Продолжила женщина, начав поливать растения из лейки. – На уме только девочки, выпивка, игры да шалости. Аматара, среднего, ты знаешь, он музыкой увлечен, руководит нашим хором.

Так вот что это за куча бумаг, что он все время прижимает к груди! Теперь ясно.

– Кстати, в последнее время Аматар что-то зачастил в храм, – настоятельница усмехнулась, а я предпочла сделать вид, что увлечена посадкой цветов. – Ну, и остался у нас Алатар, старший брат, правящий принц.

– То есть он король?

– Нет, детка. У нас главный – Император по имени Валах. В обличии силы это огромный черный дракон. Нрав у него тяжелый, но его ярость сглаживает Императрица Шаина, супруга, белая драконица, мать трех принцев.

– Но почему тогда принца называют правящим? – я запуталась.

– Потому что он правит миром.

– А что тогда делает Император?

– Черный дракон Валах правил долгое время. Но у них так заведено – когда начинают ощущать, что пришло время, уходят. Куда – никто не знает. Зачем – тоже. Но если что-то случится – чрезвычайно серьезное – могут вернуться и навести порядок. – Глаза Цеты заискрились смехом. – Кстати, драконы вылупляются из яиц!

– Серьезно? – я даже села на попу от удивления. – Как это?

– Дети у них редкость. И чем старше драконы становятся, тем меньше шансов на потомство. Драконица вынашивает малыша как обычная женщина, но рожает только в обличии силы, так заведено!

– То есть они откладывают яйца, как курицы. – Хихикнула я и тут же смутилась под укоризненным взглядом настоятельницы. – Прости.

– Роды всегда долгие и мучительные. Но самое интересное начинается потом. Даже у простых драконов малыш сразу не вылупляется, а уж у правящей династии вообще отдельная история! Будущие правящие принцы спят в яйце, пока их отец, Император, не почувствует, что пришло его время уйти. Тогда кахары проводят обряд Пробуждения, и принц со своей нареченной вылупляются.

– Нареченной?

– Да, когда Императрица понимает, что носит яйцо – а в нем всегда мальчик, кахары ищут другую беременную драконицу. Это долгое, сложное дело. Редкая кахара может определить, кто в утробе простой драконицы – точно ли девочка.

– Представляю – вылупляется принц и, вместо его нареченной, еще один принц!

– Упаси, Богиня! – Цета покачала головой. – Не завидую кахаре, которая так ошибется! Так, мы отвлеклись. Когда пара найдена, драконица и Императрица проводят все время вместе, даже рожают одновременно. Яйца хранят в особом месте, где их всегда охраняют и ухаживают особым образом. Принц и его нареченная спят в них, связанные навсегда. Когда приходит время, они вместе появляются на свет, растут, воспитываются, проходят нужное обучение, а когда достигают нужного возраста, приносят клятвы верности Богине Офель и становятся мужем и женой. И убедившись, что правящий принц готов принять власть, Император с Императрицей уходят.

– Как все интересно!

– Принц Алатар и его супруга Алатара – да, такие им дали имена, принесли благоденствие в наш мир. Давно не было стычек с Владыками воды, неурожаев, бедствий и болезней. Подданные их любят.

– В этом мире все так сложно!

– Это только кажется. – Женщина поднялась и отряхнула подол. – Идем, детка, скоро небо покажет свой светлый лик.

Мы направились к вратам храма. Небо покажет свой светлый лик – значит, что скоро выйдет светлая луна. Темный лик – выход темной луны соответственно. И как Цета определяет, интересно? Мне лично кажется, они выкатываются на небосвод, когда им заблагорассудится! Так и не поняла, в какой последовательности это происходит, хотя женщина долго объясняла.

– Еще одну кружку украли, настоятельница! – пожаловалась одна из послушниц, едва мы вошли в храмовый двор. – И уж давненько!

– Что поделать. – Цета пожала плечами. – Какую уж уводят?

– Пятнадцатую!

– Проооо-ос-тите! – раздался вой за нашими спинами. Бродяжка в лохмотьях, прихрамывая, подошла к нам. – Возьмите! – она вытянула вперед грязные руки, что сжимали железную кружку. На пальцах вздулись желтые волдыри, что причиняли, наверное, сильную боль. – Возьмите! Прикажите выпороть, все вытерплю, только снимите проклятие!

– Ты обокрала Офель, – Цета сложила руки на груди, сурово глядя на девочку. – У нее и проси прощения, не у нас.

– Жжжеее-ооотся! – проскулила бродяжка, глядя на нее как побитая собака. – Сил никаких нет, жжется! Заберите!

– Не могу. Носить ее будешь с собой, пока не выжжет она всю скверну с души твоей. Как перестанет жечь, приходи.

Подвывая и вытирая сопли рукавом, бродяжка ушла.

– Это на самом деле проклятие? – прошептала я.

– Нет, конечно! – женщина расхохоталась.

– Но она же говорила… И ожоги видно было!

– Это не кружка ее жжет, а собственная совесть.

– И что с ней будет?

– С кружкой?

– Нет, с бродяжкой.

– Или сгинет где-то, или у нас появится новая жрица. – Цета улыбнулась.

– Настоятельница! – новый вопль взорвал двор.

– Что еще стряслось? – мы пошли на крик и увидели перепуганную девушку, что тыкала пальцем на ступеньки храма. – Богиня Офель! – потрясенно ахнула Цета, увидев корзинку, в которой лежал карапуз. – Подкидыш! – Мы склонились над ним, глядя на малыша. Серая кожа, глаза разного цвета, на головке белые волосы и… рожки! – Полукровка, бедняга.

– Ох, что творится! – послушницы отшатнулись.

– Полукровка? – переспросила я.

– Да, детка. – Женщина кивнула, с грустью глядя на малыша. – Видишь, кожа цвета воды под темным ликом небес – это кровь аек, как и перепонки между пальчиками, рожки и белые волосы ему от Драконов Владык суши достались, ушки длинные и один глаз от горного народа – слуг Владык суши, другой от людей.

– То есть, он все народы в себе собрал?

– Нет, слава Богине! Только не хватало!

– Почему?

– Потому что пророчество есть – как появится полукровка, в котором все народы сольются, сгинет мир, небывалые бедствия обрушатся на него! И падут Драконы, Владыки суши и Владыки воды.

– Защити, Богиня! – заахали послушницы.

– Потому и не любят у нас таких, в ком несколько кровей. – Продолжила Цета. – Впрочем, они и выживают-то редко. – Она глянула на малыша в корзинке, что едва дышал. – Да и этот не жилец.

– И… что же с ним будет? – я с трудом договорила. Такой маленький, брошенный матерью умирать. Никому не нужный. Мы с ним похожи.

– Предадим земле, как покинет душа это тщедушное тельце. Что ж еще сделаешь. Не суди его мать, Риэра, – словно прочитав мои мысли, сказала

женщина. – Позор для девушки такое дитя. Клеймо на всю жизнь. Никто из мужчин не позовет в свой дом такую. Отец из дому выгонит, односельчане побьют и в деревню более не пустят.

– Это жестоко!

– Увы, да. Но и еще кое-что есть. В ребенке четыре народа слились, а родителей двое. Так что один из них сам полукровка. Может, лишь с рождением этого малыша и выяснилось. Кто знает. Так что, возможно, родители и сами не ожидали.

– Бедный, – я присела рядом и погладила его лобик. Неожиданно ручка с перепонкой цепко сжала мой палец. Послушницы взвизгнули и отпрыгнули от нас. – Можно мне взять его? – я умоляюще посмотрела на настоятельницу. – Пусть хотя бы будет не один, когда придет время… – Договорить не смогла.

– Бери. – Она печально улыбнулась. – Согрей его любовью напоследок.

Я взяла малыша на руки. Светлая луна закрыла солнце, и мне показалось, что личико подкидыша засияло, словно на нем лежали причудливо изогнутые белые нити – причем в два слоя.

Небеса явили свой темный лик, все стихло. Бархатная ночь этого мира холодом обняла меня, стоявшую у окна с подкидышем на руках. Дыхание малыша становилось все более редким. Я чувствовала, что он уходит. Слезы лились из глаз. Ребенок все еще сжимал мой палец, но ручка слабела. Мое сердце разрывалось.

– Останься, маленький, – прошептали губы. – Останься со мной. Мы оба никому не нужны, будем любить друг друга, хочешь? Ваш мир такой красивый! Ты должен его увидеть! Он тебе понравится!

Тельце судорожно вздрогнуло. Дыхание замерло на вдохе. Я и сама перестала дышать, вглядываясь в него. Ну за что ему все это?! Ведь он же совсем крошечный и ни в чем не повинен! Богиня-мать! Разрыдавшись, я бросилась прочь из комнаты с ним на руках. Бегом миновала врата, ворвалась в храм и,

упав на колени перед древом, захлебнулась в слезах, умоляя, упрашивая, протягивая подкидыша под ветви. Они шевелились в полутьме, заставляя огонь внутри листьев вспыхивать. Эти искорки размывались для меня в золотые пятна – из-за слез.

Сил рыдать не осталась. Я прижала ребенка к себе, чтобы он чувствовал мое тепло, и покачивалась, закрыв глаза. Тупая, ноющая боль плескалась внутри. Сиплого дыхания малыша уже не было слышно. Оставалось только смириться с тем, что смерть опять победила. Она всегда побеждает. Жизнь так хрупка, а мы безжалостно топчем ее ногами…

Я вздрогнула и проснулась, лежа на полу рядом с древом Офель. Вокруг расплывался тихий свет. Подкидыш был в моих руках. Пора отнести его для погребения. Я села и… Громкий писк изгнал тишину из храма.

– Ты жив?! – я вскочила и поднесла малыша к древу – там светлее.

Глазки разного цвета открыты, ручки с перепонками машут во все стороны, как у обычных младенцев. А ротик чмокает, пытаясь найти рядом мамину грудь.

– Голодный! Прости, маленький! – обратный путь тоже проделала бегом, ворвалась на кухню с орущим в голос детенышем, напугала заспанного молочника, переворошила ящики, нашла бутылки с соской – из них мы с Цетой недавно выкармливали больных поросят. И вот уже мой подкидыш, жадно присосавшись, начал кушать.

– Да неужто? – настоятельница подошла к нам. – Выжил?

– Он сильный! – я гордо улыбнулась сквозь слезы.

– Теперь-то что плакать, детка! – она рассмеялась. – Что ж, добро пожаловать в этот мир, маленький поросеночек!

– Ему нужно имя, Цета.

– Давай назовем его Сар. С древнего языка переводится как чудо!

– Тебе подходит. – Я погладила серую шейку. – Малыш Сар!

Малыш рос, но так медленно, что я обеспокоилась. Цета развеяла все страхи, пояснив, что полукровки чаще всего развиваются не как простые дети, а скачками. Они как будто проходят определенную стадию и сразу переходят в следующую. Как бабочки, что вылупляются из куколок.

Однажды так и произошло. Я, как всегда в последнее время, работала в госпитале, ухаживая за больными, а когда вернулась в комнату, обнаружила в колыбели не кроху младенца, которому недавно меняла пеленки, а ребенка на вид в несколько лет. Если бы не разные глаза, рожки и перепонки, ни за что бы не поверила, что это он же!

Второй скачок произошел довольно скоро – подкидыш превратился в настоящего мальчугана ростом мне до колен. Что весьма шустро бегал. Гоняясь за ним по территории храма, я снова обеспокоилась – на этот раз, что он развивается слишком быстро, и еще раз пожаловалась настоятельнице. Та вновь заверила, что все нормально, рост скоро замедлится.

– Сар! – надеясь, что снизится и скорость его бега, крикнула я, вновь бросаясь вдогонку за сорванцом, что с удовольствием улепетывал, оглядываясь. Ему это нравилось. «Сарванец»! – Сар, погоди, поймаю!

– Не поймаешь! – мальчуган расхохотался и с размаху врезался в ноги Аматара. – Ай, ты чего такой твердый? – он снизу вверх посмотрел на среднего брата-дракона.

– Извини, малыш. Ушибся?

– Да он лбом стену прошибить может! – пренебрежительно фыркнула я, подхватив Сара на руки. – Попался! Теперь пойдем есть!

– Не хочу!

– Надо! Вон уже небо светлый лик показывает, видишь? – я ткнула пальцем в луну, что выплывала на небосвод.

– Ладно, уговорила.

– Одолжение он мне сделал, надо же!

– Ага! – разноцветные глаза хитро блеснули из-под белой челки. – Дашь булочку за это?

– Бессовестный! – но перед этой мордашкой не устоять.

– Богиня Офель! – потрясенно пробормотал Аматар, глядя на ребенка. – Он выжил?!

Я все поняла и поставила малыша на ноги:

– Сар, беги домой, можешь съесть две булочки.

– Целых две? – восхитился сорванец. – Я опять заболел?

– Ты хочешь или нет? Тогда беги! – когда белая шевелюра скрылась за поворотом, мой взгляд остановился на бледном лице дракона. – Так это ты его оставил на ступенях? Выкинул, как мусор?

– Риэра, ты не понимаешь.

– Как можно так поступить с сыном? Ты прав, не понимаю!

– Он не мой сын. – Аматар вздохнул.

– Да? – я остыла. – Прости.

– Но я принес его к храму.

– Ничего не понимаю! – гнев вновь завладел мной.

– Давай поговорим. Не здесь.

– Ну конечно, это же позор, что дракон в таком замешан!

– Риэра, пожалуйста!

– Хорошо. – Проворчала я.

Мы спустились под горку и вышли к реке. Сиреневые воды мягкими волнами ласкали сияющее серебро песка. Веяло прохладой. Мне нравилось здесь купаться, когда выплывала темная луна. Иногда брала с собой Сара, но тогда приходилось не плавать, а следить, чтобы этот лягушонок не наелся песка, закусив пойманной рыбой, и не перебудил всех в округе своими воплями. Воду он любит – сказывается кровь аек, водного народа.

– Говори. – Я повернулась лицом к Аматару. – Как ты, кстати, узнал, что Сар именно тот подкидыш?

– По родовой вязи на лице. – Ответил дракон. – Она проявляется, едва видимая, когда на кожу падает свет луны. У Владык суши – под светлой, у Владык воды – под темной луной. Вот, смотри сама, – его руки легли на мою талию и осторожно притянули меня к себе.

– Даааа, – зачарованно протянула я, разглядывая тонкие сияющие паутинки на его лице, что наливались светом и исчезали, словно в такт ударам сердца. Красиво! А вот блеск в глазах принца мне не понравился. Как и его губы, что начали приближаться к моим. – Так кто его отец? – отойдя на шаг, спросила я.

– Мой брат. – Аматар вновь вздохнул. Видимо, обниматься ему нравилось, а обсуждать Сара – не очень.

– Правящий принц Алатар?!

– Нет, что ты. Младший брат, Асатар.

– Уже легче. – Проворчала я. – Он вообще знает о малыше?

– Знал. Но думал, что он умер.

– Тогда нужно рассказать, что его сын жив. – Я кивнула сама себе. И пусть только попробует сказать, что это не мое дело! – Где его можно найти?

Глава 6. Люмьер

Саяна

Я поставила люльку со спящими наследниками на диван, сама села рядом, сложила руки на коленях и уставилась на Горана:

– Говори.

– Тебе будет больно все это слышать. – Тихо сказал он, присев на край большого письменного стола.

– Не привыкать.

Он начал рассказывать. О том, как мы встретились. Как ему пришлось сделать то, что превратило меня в бессмертную и возложило на плечи такую ношу, что не пожелаешь никому. Как мы справлялись с последствиями этого, едва успевая менять одних врагов на других, что становились лишь серьезнее и опаснее. Стоп.

– Подожди. – Я вскинула руку, останавливая его. – То есть ты сделал меня… такой, даже не спросив?

– Да. – Он прикрыл глаза, словно боясь того, что произойдет сейчас. – И никогда себе этого не прощу.

– А мне как удалось тебя простить? – голос задрожал.

– Не знаю, Саяна. До сих не могу понять.

Горана захныкала, не просыпаясь. Она считывает эмоции матери на раз, уже заметила. Не ребенок, а лакмус!

– Ш-ш-ш, – моя дрожащая рука легла на ее животик, поглаживая. – Успокойся, крошка.

– Саяна…

– Горан, нет. – Я вскинула на него глаза. – Тебе лучше уйти.

Он побледнел.

– Вернее, мне надо уйти.

– Подожди, умоляю, – он прижал к себе, едва встала. – Не знаю, что сказать. Пожалуйста, не принимай решений сгоряча, Саяна!

– Отпусти.

– Отпущу, если захочешь. – Мужчина отступил на шаг. – Все будет, как ты скажешь.

Как будто от слов легче! Я взяла люльку и вышла из кабинета. К моменту, когда за мной закрылась дверь спальни, дочь уже плакала в голос. По моим щекам тоже текли слезы.

Горан постучался ко мне через несколько часов.

– Принес обед. – Тихо сказал он, когда я открыла дверь.

– Спасибо, но не стоило, спустилась бы в столовую.

– Воспользовался предлогом увидеть тебя. – Мужчина прошел в комнату и поставил поднос на стол. Печальная улыбка вкупе с искренностью ударила по сердцу. – Саяна… Этот дом, он принадлежит тебе. Я съеду – если разрешишь, в

гостевой домик на территории, если нет – куплю себе жилье рядом с вами.

– Ты этого хочешь? – я вгляделась в его полные боли глаза.

– Хочу… – начал мужчина, и мое сердце разорвалось. – Чтобы было так, как тебе удобнее. Хочу, чтобы ты была спокойна и счастлива в своем доме. А я… Ты страдаешь по моей вине.

– Знаешь, смотрю на малышей и думаю, – взгляд устремился к спящим карапузам, – раз они появились на свет, значит, мне удалось простить тебя, Горан.

– Не знаю, как ты нашла силы для этого.

– И мне сие неведомо. – Я посмотрела на него. – Но хочу, чтобы ты остался.

– Правда? – глаза непонятного цвета засияли. – Ты уверена?

– Да. Ради детей – попробуем.

– Спасибо, родная! – он посмотрел на спящих малышей. – Так приятно видеть их спокойными!

– Побудешь с ними? – попросила я. – Хочу принять душ, но не хочу крошек будить. Они все еще плачут, когда отхожу. Может, пока ты рядом, не будут.

– Конечно, или. – Горан сел на кровать.

Я дошла до двери в ванную и оглянулась – молчат. Наконец-то можно нормально помыться, а не бегом, слыша плач детей, разрывающий душу!

Теплые струйки заскользили по телу, с губ сорвался стон – как приятно! Именно это мне после всего пережитого и нужно – неспешность в наслаждении простыми радостями жизни. Понежиться в ванне с пеной, послушать музыку, медленно, смакуя каждый кусочек, съесть что-то вкусное, встретить рассвет, вдыхая краски полыхающего неба, гладить волосики своих детей, устроить пробежку, чувствуя, как слаженно работают мышцы, ощутить поток ветра в

лицо, насладиться мощью стихии – к примеру, бушующей ночью грозы…

Молния вспыхнула перед закрытыми глазами, заставив поразиться реальности картинки. Все-таки воображение – великая… Что за черт?! Я едва устояла на ногах – молнии посыпались одна за другой, вокруг грохотал гром, оглушая до боли в ушах, на меня лилась уже не теплая приятная водичка из душа, по телу хлестали струи ливня – как кнуты, они заставляли взвизгивать от боли, сжимаясь в комочек.

Вокруг расползалась бесконечная тьма, высвечиваемая хищными молниями, но глаза, ослепленные их вспышками, ничего рассмотреть не могли. В душе расправило щупальца отчаяние, тесно, до хруста переплетенное с предчувствием, что сейчас произойдет что-то ужасное – как будто светопреставления вокруг недостаточно!

Я встала, через силу распрямилась, тяжело дыша и выпуская стоны сквозь стиснутые зубы. Не видят глаза – пусть, есть другие органы чувств! Прикрыть веки, отпустить ощущения. Боль медленно, нехотя, но все же отодвинулась на задний план. Я сосредоточилась на сердцевине души, чувствуя себя персиком – сейчас важна только косточка. Дать силу иным чувствам, отдаться в их власть, пусть заберут всю меня, окрепнут и…

Ливень прекратился. Я открыла глаза и, стараясь дышать ровно, огляделась. Уже лучше. Темнота рассеивается – потому что вокруг расползается сияние. Не мое. Это… огонь? Да, далеко, у горизонта, словно полыхающая дорожка расползается в разные стороны. Красиво даже.

– Предначертанное свершится! – заполз в уши чей-то шепот. – Тебе не помешать! Богиня вернется к нам, вернется!

– Что?

– Не мешай, Ангел! Или твои Крылья полетят в огонь! Не мешай!!!

До меня донесся рев. Сердце замельтешило, когда поняла, что это огонь – несется на меня со всех сторон с диким гулом, обступает кольцом, которое начинает сжиматься. Языки пламени все ближе, ближе, ближе! Слышу крики – кто-то уже сгорает в нем, унесшим не одну жизнь, причинившим столько боли!

Огонь голоден – всегда голоден, его не насытить, он продолжит убивать, пока не уничтожит все, что сможет, а потом сгинет и сам.

Пламя жадно лизнуло меня, подступив вплотную, будто попробовало на вкус. Как больно! Но отступать некуда – оно вокруг! Тело вздрогнуло, что-то словно дернуло за макушку вверх, и я взмыла в воздух. Огонь зарычал, беснуясь внизу, но достать не смог. По бокам от меня сияли Крылья – золотистые, из мельчайших пылинок Света, они легко держали Ангела в воздухе. Пока сверху не упала сеть. Я запуталась в ней, словно птичка, забилась, пытаясь выбраться, но тщетно.

– Глупый ангелочек! – чей-то смех обступил со всех сторон. Сеть утянула вниз. Я рухнула в объятия довольно рычащего огня, который начал пожирать меня.

– Саяна, очнись, любимая! Саяна, умоляю! Родная моя!

Я открыла глаза. Лицо Горана надо мной. Он сходит с ума от ужаса. Бедный, вечно ему приходится спасать непутевую супругу! Обрывки воспоминаний кружились вокруг, но ухватить за хвост не удалось ни одно. Что ж, уже привыкла к этому.

– Как ты? – мужчина облегченно улыбнулся.

– Что случилось?

– Ты кричала так, словно… – он нахмурился, подыскивая слово, – словно сгорала заживо!

– Так и было, – прошептала я, вспомнив видение.

– Ты что-то видела, Саяна?

– Сложно сказать. – Пришлось отвести глаза. И только в этот момент я поняла, что лежу на кровати совершенно голая, а Горан прижимает меня к себе! Наши взгляды встретились. И молния полыхнула вновь – но уже совсем другая.

Он пытался что-то сказать, но моя ладонь легла на его губы, и вместо этого санклит начал посасывать один из пальчиков. Дыхание сбилось, я притянула его к себе, обвив руками шею, прижалась к нему, горячему и желанному, раскрылась навстречу поцелую.

Едва наши губы соприкоснулись, Горан вздрогнул всем телом и застонал. Чувства супруга лились в меня, лишая возможности соображать. То, что я почувствовала у озера, теперь казалось лишь бледным мотыльком рядом с разноцветной роскошной бабочкой.

– Люблю тебя, Саяна! – выдохнул он, обжигая дыханием шею.

Кровь вскипела безудержным желанием. Мой, только мой! Блаженство мое! Никому не отдам, никогда! Крылья мои, любимый мой, родной!

– Что же ты со мной делаешь! – прохрипел санклит, уткнувшись лицом в мои волосы.

– Горан? – я с неохотой выплыла из марева желания. Почему он остановился? – Что не так?

– Нельзя. – Прошептал он, еще крепче прижав меня к себе.

– Почему?

– Ты не помнишь, Саяна. – Мужчина заглянул в мои глаза.

– И что? – я вновь утонула в его полыхающем взгляде.

– Если… – на лице появилась горькая усмешка, – то буду ничем не лучше Алекса! Не могу так поступить с тобой! Прости, что довел до такого. Мне лучше уйти.

– Как знаешь! – я раздраженно оттолкнула его и прикрылась одеялом.

– Прости, пожалуйста.

– Ты хотел уйти!

– Да, так будешь лучше. – Он пошел к двери.

– Но учти – посмеешь съехать, Крыльями по лбу получишь! – крикнула я вслед.

– Не буду съезжать, – он обернулся и озорно улыбнулся, – но крыша у меня, как ты говоришь, точно съедет – потому что все время буду рядом!

Горан ушел, я не выдержала и расхохоталась. Потом вылезла из-под одеяла, пошла в ванную за халатом и замерла, глядя на стену. На которой пылал огнем знак: вертикальный штрих упирается в горизонтальную полосу, от которой по краям отходят вниз по три ответвления. Что-то знакомое. Похоже, если честно, на грабли. Откуда он здесь?

Знак вспыхнул, заставив меня отшатнуться, и погас, словно его и не было. Я подошла и провела по стене рукой. Холодная. Никакого следа.

– Это люмьер, – шепот заполз в мои уши.

Что за чертовщина?!!

Глава 7. Асатар

Риэра

Ничего себе мне еще идти! Я приложила руку козырьком ко лбу и вгляделась в зеленые холмы, что убегали к горизонту – сначала большими пупырками, потом все меньше, меньше и меньше. Пупырки – это слово изобрел Сар. Так он называл все, имеющее округлую форму, начиная от половинок фруктов, заканчивая холмами. Я привязалась к этому шалуну, хоть и чувствовала себя скорее его старшей сестрой, чем матерью. Мне нужно было кого-то любить, и этот сорванец без спросу, как всегда, проник в сердце. Но у него есть отец, да еще и принц. Пусть Сар всего лишь бастард, вдруг маленькая непоседа отвоюет себе и в его душе уголок?

– Что грустишь, красавица? Или топать далеко тебе, вот и приуныла?

Я обернулась. На телеге с запряженной в нее тщедушной лошаденкой сидел маленький дедок в такой большой соломенной шляпе, что его самого из-под нее было почти и не видать.

– Верно, дедушка.

– А куда надо-то тебе?

– К водопадам аек.

– Далеконько собралась! Садись, подвезем мы тебя.

– Не откажусь. – Я с опаской покосилась на выпирающие ребра лошади. – А ей сил хватит?

– Не боись, мы с Королевишной только на вид хлипкие! А пашем, как двужильные! – он дождался, когда я уселась в телегу рядом с мешками, и шлепнул вожжами по ее тощему крупу. – Тронулись, милааааая! – коняшка бодро затрусила вперед. – А что за дела у тебя такие с айками-то? – дед обернулся ко мне, и я догадалась, что не только по его доброте душевной стала попутчицей – ему попросту скучно одному ехать, а за разговором время скоротать получится. Что ж, за все надо платить.

– Ищу кое-кого.

– Уж не парня ли себе у них приглядела?

– Что вы, дедушка!

– Знаю вас, девок, у аек пацаны рослые, гибкие да красивые. Да и умеют кой-чего. – Он захихикал в бороду.

Уж не бабулька ли твоя по молодости к ним шастала? Я скрыла улыбку.

– Да и девки у аек ничегошные! Ладные, сговорчивые, да глазастые! И завсегда-то им мало, горячим проказницам!

Что-то дедок-то совсем распоясался! Я сделала осуждающее лицо:

– Дедуля, незамужним девицам такие разговоры вести не пристало.

– Звиняй, принцесса.

Я вздрогнула и чуть не спрыгнула с телеги. Моментально накрыли воспоминания: семья, Деметрий, сладкие стоны Гаяна, его кожа под ладонями, факелы из родных на площади, воды озера, что сомкнулись над головой, навсегда отрезав от моего мира.

Спокойно, не знает он ничего, просто пошутил.

– Думал, такую-то давненько к Офель какой-нить гарный молодчик сводил! Или хвостом крутишь, а в дом себя взять не позволяешь? Знаю я вас, девок! Смотри, допривередничаешься, довыбираешься, пойдешь за того, кто останется. Вдовец какой или старик. Или тебе и такой сгодится? – он подмигнул мне, высунувшись из-под шляпы.

– А вы куда едете? – надо дать его говорливости другое русло. Все любят, когда их слушают.

– Да за провизией сподобился выбраться. – Дед заметно оживился. – Бабка-то моя уж давно пинала, что позаканчивалося у нее все. Вот и поехал.

– Что покупать думаете? – я довольно улыбнулась, когда он пустился в разглагольствования на тему, что и где лучше приобретать, с кем и как торговаться и прочее.

К концу поездки дедок уже обожал меня, как родную внучку, которая наказала ему купить бусы – боюсь, теперь они будут долго стоять перед глазами, так подробно возница их расписывал. А ведь только и требовалось – иногда угукать и кивать.

– Прощевай, красавица! – дед прослезился, выловил в мешке крупное красное яблоко, заботливо потер его бочок о рубаху и протянул мне. – На дорожку. Похрусти, голодная, поди.

Поблагодарив, я направилась той дорогой, что он указал, грызя сочный фрукт, и вскоре по тропинке среди рощи вышла к водопадам. Сначала услышала их – но не тот грозный гул, когда вода низвергается вниз с высоты, как было в моем мире, а журчание – как у веселого ручейка, только размером с реку. В воздухе запахло водяной свежестью. А потом деревья будто скакнули в сторону, и передо мной развернулась потрясающе красивая картинка.

На нескольких высоких скалах золотого цвета толпились люди. Веселый смех разлетался вокруг, воздух пронзали девичьи крики, я невольно улыбнулась. А потом поняла, что это они и есть – айки. На них вовсе не серая одежда, как показалось издалека. Они голые! Знала, что у аек в ходу свободные нравы, но чтобы настолько! Взвизгнув, одна из них сиганула со скалы и шумно, с брызгами, упала в озеро.

– Не умеют прыгать, – произнес за моей спиной мужской голос. Причем, такой, что и сердце сжалось, и… все остальное.

Уже понимая, что увижу, я обернулась. Так вот вы какие, айки, водный народ! Красивые и голые. Высокий, подтянутый красавец с серебристой кожей, склонив голову с копной черных волос набок, ухмыльнулся. Похоже, ему не впервой смущать девушек. И он получает от этого удовольствие.

Ну уж нет! Стыдливой была Касикандриэра. Меня голым мужиком не смутишь. Я медленно, с интересом, оглядела его с головы до ног и обратно. Взгляд остановился на глазах – раскосые, с внешними уголками, будто стянутыми к вискам, непроглядно черные. В таких на самом деле можно утонуть.

– Понравилось? – промурлыкал парень, ухмыльнувшись.

– Да, красивое ожерелье, – не моргнув, ответила я, посмотрев на единственное, что было на нем – пластинку на шее с несколькими камнями.

– Спасибо. – Он развернулся ко мне спиной, показав упругие ягодицы, разбежался и с громким криком сиганул с обрыва. Прекрасное тело без брызг

вошло в воду, с соседних золотых скал раздался оглушающий одобрительный рев.

Когда я спустилась вниз, айка как раз выходил из воды, мокрый и еще более красивый. Девушки с такой же серебристой кожей, как у него, ничуть не смущаясь наготы, с любопытством поглядывали на меня и отжимали длинные волосы.

– Что ты здесь ищешь? – парень сел на песок.

– Не что, а кого. – Я присела рядом. – Принца Асатара.

– Ну, конечно, где же его еще искать! – он скривился и зло глянул на меня. – Принцу самое место среди аек, ведь они такие легкодоступные! Так ведь тебе сказали?

– Прости, не хотела обидеть.

Парень промолчал.

– Так ты не знаешь, где он может быть?

– Вернись наверх, обойди скалы слева, там спустись и иди песчаной косой до пещеры. Твой Асатар этих дур туда водит. – Он резко поднялся и зашагал прочь.

Даже поблагодарить не успела. Что ж, его дело. Я проделала указанный им путь и увидела пещеру. Вход в нее был небольшим, но внутри она оказалась огромной. Косые лучи света, что пробивался сквозь щели в стенах, делал ее неожиданно светлой. Пытаясь не вспоминать о пещере, где в моем мире было озеро Богини, я шла вперед, пока не услышала голоса. А потом увидела парня с девушкой.

Она была почти раздета – лишь короткая юбочка прикрывала самое сокровенное, на груди висели гроздья бус, ничуть ее не пряча. Он же, в камзоле с богатой вышивкой и светлых брюках, выпячивал грудь, чтобы произвести на нее впечатление. Судя по тому, как айка на него поглядывала, необходимости в этом уже не было – она сама, кажется, сейчас набросится на него.

Неожиданно парень разделся догола и заявил:

– А теперь смотри!

Айка замерла. А я едва не крикнула в голос, когда через мгновение на месте принца появился дракон! Сначала он показался мне небольшим, но когда красные крылья раскрылись вширь, и он, взмыв к потолку, завис там, оказалось, что это впечатление было обманчивым. Девушка глазела на него, раскрыв рот. Я, жалея, что стою далеко, тоже.

Это создание, прекрасное и мощное, завораживало и полностью завладевало вниманием. Взгляд скользил от треугольной головы с колышками рогов по гибкой шее, покрытой чешуйками, что слегка топорщились, к багровому телу с кожистыми наростами на груди и спине, замирал на широко раскинутых крыльях, которые заставляли ветер гулять по пещере, и устремлялся на сильные лапы с хищно загнутыми когтями.

Дракон вдруг резко повернул голову в мою сторону. Ноздри расширились, когда он с силой втянул воздух. Неужели почуял? Резко развернувшись, эта махина на удивление резво метнулась ко мне. Я даже отступить не успела – он уже завис надо мной. Сожрет ведь и не поморщится! Хотя в сказках, что мне читала няня, принцессы дракону были нужны для других целей.

Толком испугаться мне не дали – только начала паниковать, как Асатар вновь стал обычным на вид юношей. Передо мной стоял обнаженный принц с холеным красивым лицом. И почему сегодня все голые?!

– Кто вы, красавица? – спросил он, откинув на спину длинные черные волосы.

– Знаете, меня учили разговаривать с мужчинами в одежде, – намекнула я.

– О, простите! – дракон, похоже, смутился. Сверкая белым задом, он добежал до своей одежды и быстро оделся. Потом вернулся. – Так лучше?

– Несомненно.

– Позвольте представиться, – начал парень, но я перебила.

– Нет необходимости. Кто вы, мне известно. Также знаю о вас то, что вы сами о себе не знаете.

– Какая вы загадочная, красавица! Расскажете, что имеете в виду?

– Может, сначала с девушкой попрощаетесь? – я кивнула на айку, что буравила нас тяжелым взглядом.

– Ах да! – Асатар рассеянно помахал ей на прощание, подхватил меня под ручку и повел к выходу из пещеры.

Когда мы вышли из нее, на небе плыла светлая луна. Кожа на лице принца засияла похожим узором – такой же был у Сара. Но у моего нового знакомого под этими затейливыми линиями просматривалась еще какая-то вязь.

– Так что же я о себе не знаю? – Асатар подошел вплотную. Видимо, решил, что и незнакомка пала жертвой его чар.

– То, что у вас подрастает прекрасный сынок. – Я насладилась сменой эмоций на лице принца.

– Как же так вышло, что вы в памяти не остались? – пробормотал он, морща лоб. – Такую красавицу забыл? Как же так? Был пьян, да? Когда мы, ну…

– Не я мать вашего сына! – надо же, какое самомнение!

– А кто?

– Вам виднее. – Мне пришлось рассказать ему, как в моей жизни появился Сар. – Его мать, видимо, полкуровка, ведь в малыше слились четыре народа.

– Какой ужас! – принц побледнел. – Если бы знал, не прикоснулся бы к ней! Ведь есть пророчество…

– И малыш есть, – снова перебила я.

– О, это решим! – дракон отмахнулся. – Все ваши расходы возмещу, прекрасная… Как вас зовут, кстати?

– Риэра. Мне не нужно возмещение расходов.

– Тогда что? – парень сморщил лоб. Неужели искренне не понимает?

– Ребенку нужен отец!

Принц развел руками и выдал гениальный ответ:

– А причем тут я?

– Асатар, вы шутите?!

– Риэра, мне нельзя признавать такого бастарда! Если бы речь шла о нормальном ребенке, драконе, другое дело!

– А этот ненормальный? Потому что полукровка?

– Рад, что вы понимаете! Это такой позор!

– Быть подонком – это позор! – бросила я и пошла прочь.

Вечно раскутывается! Я поправила одеяло на Саре, но безобразник тут же взбрыкнул во сне, и оно улетело на пол. Оставалось только покачать головой и смириться. Пусть спит, смешно похрапывая. А вот ко мне сон не идет. В этом мире ночь намного длиннее дня, не привыкла столько дрыхнуть. Что ж, скоротаю время у окна.

Накинув на плечи тонкий плед, я вгляделась в темную луну. Бесконечно могу смотреть, как она плывет по темно-сиреневому небу. Мысли столь же неспешно текут следом. Кажется, что все, что было до лихорадки, произошло давным-давно. Вот только кулаки до сих пор сжимаются, когда думаю о Деметрии, и слезы наполняют глаза. А стоит вспомнить спину Гаяна под моими ладонями, то

наслаждение, что он дарил, тело пылает. Я должна ненавидеть их обоих! И забыть то, что произошло в ту ночь в спальне сероглазого, забыть навсегда!

Всхлип сорвался с губ, но промелькнувшая в вышине черная тень развеяла морок воспоминаний. Дракон? Да, он. Снова купается в темном свете луны, выписывая кульбиты. То камнем падает вниз, сложив крылья, как хищная птица, завидевшая на земле добычу, то резко уходит в небо, расправив два огромных крыла, то свечкой несется ввысь, то парит, не шевелясь – над тем миром, что принадлежит ему.

Я любовалась прекрасным мощным созданием, позабыв обо всех обидах на тех его представителей, что брезгуют детьми-полукровками, но дракон вдруг встал на крыло и заложил вираж вниз. Падая все ниже и ниже, одновременно уходя в бок, он пронесся рядом со мной. Казалось, если протяну руку – дотронусь! Упругая волна ветра ударила в лицо и растрепала волосы. А дракон нырнул вниз и…

– Асатар! – прошептала я, глядя на юношу, стоявшего во дворе под окнами. Снова голый!

– Рады меня видеть, Риэра? – он послал мне воздушный поцелуй и начал одеваться.

– Только в том случае, если вы передумали и решили познакомиться с сыном. – А одежду он в лапах, что ли, нес? – Но не понимаю, почему это не могло подождать до утра.

– Под темной луной девушки сговорчивее! – принц улыбнулся и полез по стене наверх.

– Что вы делаете? – одной Богине ведомо, за что он цепляется!

– Поможете? – он протянул руку.

– Ни за что! – я отступила от окна.

– Зря! Если упаду, вам придется переполошить всех, чтобы меня осмотрел лекарь. Как будете объяснять, почему покалеченный дракон лежит под вашими окнами?

Теперь понимаю, от кого у Сара хитрость и полнейшее отсутствие совести – в папочку! И в самом деле, что скажу, если все увидят принца? Репутацию потом никогда не отмою! К сожалению, он прав.

– Залезайте уже! – прошипела я, схватив его за шкирку и потянув на себя. Конечно же, он сбил меня с ног и прижал к полу своим телом. Вот дура, надо было догадаться! – Ах ты, наглец! – мое колено с размаху впилось ему между ног. – Пошел прочь!

– Уууу! Зач.. чем же так? – скуля, принц перекатился на спину, зажимая руками свое достоинство. Хорошо, что анатомия драконов в простом обличии не отличается от людской.

– Не на ту девицу позарились, Владыка суши! – на моих губах появилась довольная улыбка. Я встала. Чудо, что Сар не проснулся. – Хватит валяться, вставайте. И посмотрите на сына.

– Как будто мне сейчас до бастардов! – простонал Асатар, поднявшись. Бурча и хромая, он все же подошел к постели малыша. – Ужас какой. – По лицу дракона расплылась гримаса отвращения. – Точно был пьян, когда с его матерью связался! – он прищурился. – У него что… перепонки на лапах?!

– У него руки! Как и у вас! – меня покоробило.

– Какой кошмар! Почему он не умер? Полукровки почти все…

– Пошел отсюда! – рявкнула я, толкнув его в грудь.

– Надо мной потешаться будет весь двор! – причитая, принц попятился. – Какой позор!

– Проваливай, подонок!

– Риэра, но…

– Убирайся! – я дотолкала гада до окна. Под темной луной на его лице серебрилась затейливая вязь. Красивое лицо, и рисунок прекрасный. Вот только сам он – дерьмо!

– Вы не понимаете! – он еще и оскорбился, надо же! – Жестокая вы! – принц перелез через узкий подоконник и осторожно начал спускаться.

Когда его ноги коснулись земли, я схватила ночной горшок, что стоял у Сара под кроватью, и с удовольствием выплеснула на Асатара. Так тебе и надо! Тот взревел и быстро сорвал с себя одежду. Через мгновение драконья тень свечкой метнулась в небеса.

– И никогда больше не появляйся! – прошептала я вслед и покосилась на спящего Сара. – Не нужен тебе такой отец, малыш. Уж лучше вообще без него, чем такой мерзавец!

Незачем вообще связываться с драконами! От них одно страдание, как от всех имеющих власть! Я смахнула слезы со щек, еще не зная, что скоро моя жизнь окажется тесно связана именно с ними – с драконами.

Глава 8. Дитя мира

Горан

Я – Горан Драган. Это имя вгоняет врагов в дрожь уже третью сотню лет. Но так было не всегда. Родители, чистокровные санклиты, обеспечили мне высокий статус в сообществе бессмертных с рождения. Статус, но не счастье. Моя мать Руфь любила Антуна Драгана, своего супруга, но он стал ее самым большим разочарованием, растоптав надежды и мечты, поломав жизнь. Так он поступал со всеми, всегда.

Самый известный санклит после прародителей санклитских кланов Якоба и Лилианы, детей Ангела Смерти от простой женщины. Великий Антун, собравший

бессмертных воедино, он вернул им самоуважение и направил все силы на борьбу с Охотниками. Пролились реки крови, и в итоге наши враги пошли на попятную – было заключено перемирие. Весьма шаткое и условное, нам оно было более выгодно, чем Охотникам.

Именно в этот момент я появился на свет. Мать называла меня Дитя мира. Отца это злило, но по большому счету он не обращал внимания на второго сына, его сердцем безраздельно владел Януш – первенец. Рыжеволосый чистокровный санклит, брат и сам был словно огонь – опасный, безжалостный, жестокий.

Он вырос именно таким, каким Антун хотел видеть наследника – своей точной копией. Януш ненавидел Охотников и презирал людей, считая их санклитским кормом, не думая, отнимал жизни, делая исключение лишь для красавиц – их он соблазнял, влюблял в себя.

Но целью моего брата было вовсе не плотское удовольствие. Род Драганов считался плодовитым, что вообще-то не характерно для санклитов, поэтому Янушу, что игрался с девицей, частенько удавалось обрюхатить свою жертву. Для девушки это был смертный приговор – она погибала и при выкидыше, и в случае попытки избавиться от ужасного плода, и неизбежно умирала при родах.

Одному господу ведомо, что за извращенное удовольствие брат находил в этом. Антун лишь смеялся, когда появлялся еще один внук или внучка, и отправлял к кормилице-санклитке, которых было много в деревнях на землях вокруг нашего замка. Сейчас ни одного из них, насколько мне известно, в живых не осталось – перебили Охотники. Учитывая жестокий нрав, что передавался племянникам по наследству, это к лучшему – они причинили много зла.

Януш тоже был убит – отцом одной из погубленных девушек. Ее сестра заманила его в ловушку на сеновал, где уже ждали крестьяне. Скорбящий отец вогнал кинжал с костью чистокровки в грудь моего брата, и тот умер, успев все же многих из напавших утащить с собой на тот свет.

Антун был безутешен. В отместку он уничтожил ту деревню, не оставил в живых никого, лично отняв у каждого из жителей жизнь. Но удовлетворения это ему не принесло. Тело Януша отнесли в родовой склеп Драганов, отец не выходил оттуда неделю. Все, кто пытался поговорить с ним, были убиты. Прошла еще неделя и туда собралась идти моя мать.

Я умолял ее не делать этого, но безудержные рыдания подростка ее не убедили. Она крепко обняла меня и сказала, что должна это сделать. Лишь став взрослым, я понял, что Руфь приняла любовь к Антуну как свой крест, и безропотно несла его, пытаясь сделать мужа мягче, добрее, милосерднее. По иронии судьбы это значило сделать его человечнее – а людей он презирал, равно как и любую слабину в себе и окружающих.

Я проводил мать до склепа и остался стоять недалеко от кованой двери с фамильными вензелями. Руфь вновь прижала меня к себе, улыбнулась и вошла внутрь. Очень долго было тихо. Я прислушивался к этой зловещей тишине, представляя бездыханное тело матери, распростертое у ног отца.

Солнце село, по земле уже ползли щупальца тумана, холод пробирался под камзол, но к нему мне было не привыкать – отец не жаловал неженок, в комнатах сыновей камин разжигали только в лютые морозы, а в остальное время года не дозволялось даже укрываться одеялом. И зимой мы занимались утренними упражнениями босоногими и с обнаженным торсом.

Решив, что неизвестность хуже смерти, я подошел к двери в склеп. Она оказалась приоткрыта. Заглянув в щель, я не поверил глазам – отец стоял перед матерью на коленях и рыдал – взахлеб, сотрясаясь всем телом, воя и скрежеща зубами. Руки прижимали ее к себе, цеплялись за нее, словно мраморная плита пола всасывала его в себя, изгоняя из привычной жизни, отнимая силы и желание жить. Руфь гладила его по голове, закрыв глаза, из которых по лицу текли слезы.

Я вернулся в замок и стоял у окна, пока не увидел их. Сгорбленные, словно древние старики, прижатые одним горем на двоих к земле, они медленно брели во тьме, которую холодным мертвенным светом подсвечивала луна. Следующим утром моя жизнь изменилась навсегда.

– Вставай, живо! – рука отца толкнула меня, спросонок не соображающего, в плечо. – Довольно дрыхнуть!

Я вскочил, ничего не понимая и еще не зная, что детство кончилось. Навсегда.

Отныне моя жизнь мне не принадлежала. Что делать, когда и почему, решал Антун. Жесткие изнуряющие тренировки, обучение, лишь несколько часов сна в день, беспрекословное выполнение команд – словно я пес, за малейшую провинность или промах – розги, в лучшем случае.

Но самое страшное было даже не в этом. Меня обуял ужас, когда понял, что отец вовсе не из-за гибели старшего сына обратил внимание на младшего. Ему не нужен был Горан, он хотел вернуть Януша. Вернее, сделать его точную копию из того, что имелось под рукой – из меня – даже если для этого придется уничтожить все то, чем я являюсь.

Антун все делал на совесть, всегда. Он рьяно начал претворять свой план в жизнь, не желая слушать ничьих возражений. Главной целью стало искоренение из моей души всего того, что так нравилось матери, того, что у нас с ней было общим – ранимости, чувствительности, милосердия. Нам претило убийство – как раз именно с этого начал мой отец.

Те дни словно стерты из памяти. Они словно акварель, на которую пролили воду, будто кошмары, что приходят в самые темные ночные часы, это было не со мной. Не меня Антун заставлял забирать человеческие жизни одну за другой, избивая за отказ так, что не оставалось и живого места. Не меня бросал в темницу, на солому, неделями не давая даже воды. Не меня уничтожал презрительными тирадами, глядя так, словно перед ним стоял не родной сын, а лежало лошадиное дерьмо.

Это было с тем Гораном, что любил вместе с матерью встречать рассветы, замирал перед картинами кисти великих мастеров, учился тайком от отца играть на музыкальных инструментах, готовил на большой кухне, дождавшись, когда она опустеет вечером, и молился перед сном Господу, прося его сделать себя простым человеком, а не санклитом – который может жить лишь за счет человеческих жизней.

Тот мальчик умер. Антун убил его, вскрыл душу, вспоров, как пузо убитого на охоте оленя, и выпотрошил, вытащив наружу и чувствительность, и ранимость, и милосердие. Они со смачным шлепком упали на алый от крови снег – еще горячие, еще живые, но уже обреченные стать падалью, что скоро растащат стервятники.

Я стал тем, кого отец хотел видеть подле себя – копией Януша. Прирожденным убийцей, которого не трогали слезы жертв. Ничто не отражалось в моих глазах, когда очередной труп падал к ногам – а по правде, к алтарю, на который Антун возвел Януша. Меня прозвали Бессердечным, наверное, еще и поэтому, а не только из-за того, что ни один санклитский клинок, что воткнули в мою грудь враги разного пошиба, не нашел сердца. Да и было ли оно тогда в моей груди?

В двадцатом веке, благодаря развитию медицины, мне довелось узнать о транспозиции органов – зеркальном расположении сердца, печени и прочей требухи. Так что она все-таки имелось, та самая мышца, качающая кровь, в которую никто не смог вогнать клинок, потому что этот орган был сильно смещен вправо, развернут к грудине боком и размеры имел аномально небольшие. Врача, что просветил меня, в награду ждала смерть – потому что если бы эта информация стала достоянием моих врагов, я перестал бы быть Неубиваемым – так сына Антуна тоже называли.

Когда отец ломал меня, Руфь пыталась вмешиваться, вырывала из его лап, плакала, на коленях умоляла не трогать сына. Он бил ее, при мне пинал ногами, я бросался защищать, заставляя его ярость вскипать до такой степени, что мы с матерью теряли сознание от побоев.

Наверное, от того, чтобы убить меня, его останавливало только то, что тогда бессмертный сын оживет и останется подростком навсегда – а таких по санклитским правилам убивали, потому они становились умалишенными, ведь взрослый разум никогда не смирится с вечно детским телом. А вот Руфь, полагаю, умирала не раз. Но это никого не спасло.

В конце концов мать бросила меня. Ее бегство оглушило сильнее, чем самая сильная затрещина Антуна. Именно тогда, оставшись без поддержки самого родного человека, я и сломался. Вечером отец с удовольствием сообщил мне о том, что Руфь решила начать новую жизнь вдали от нас. Не глядя на него, мне пришлось затолкать в себя ужин – иначе Антун запихал бы его мне в рот вместе с тарелкой, и попросить разрешения встать из-за стола, чтобы пойти спать.

В жесткую кровать – теперь это были доски, без тюфяка, лег один мальчик. А утром с нее встал уже совсем другой человек. Вернее, не человек, а санклит – Неубиваемый Бессердечный Горан Драган.

Время шло, оно всегда идет, ему в равной степени плевать на всех – и на людей, и на санклитов, и на Охотников. Жизнь остановилась, моя душа заледенела, иногда казалось, что ее нет вовсе, а все подернутые мутной пленкой воспоминания лишь неясные сны, тайком, без ведома отца подсмотренные у кого-то нормального.

Антун женился вновь, привел в дом красавицу-санклитку Лилиану. Не знаю, почему она согласилась выйти за него, избалованнее женщины я не встречал. Должно быть, ей польстило внимание Великого Антуна, грела сердце перспектива стать своеобразной королевой санклитов. Ночами напролет из отцовской спальни доносились соответствующие медовому месяцу крики страсти. Вставала молодая мачеха поздно, порой только к вечеру. Я почти не видел ее, и меня это устраивало.

Прошло время и в опочивальне Лилианы стало тихо. Зато в остальных местах замка теперь тишины было не сыскать – разочарованная замужеством, которое, похоже, не оправдало ее чаяний, Лилиана закатывала скандалы везде, где только могла. Чаще всего доставалось прислуге, но пару раз женщина набросилась и на мужа.

В первый раз Антун ограничился тем, что рявкнул на нее так, что вздрогнули стены замка. Во второй повалил на пол ударом в лицо. А в третий подтащил ее за волосы к огню в камине и пообещал, что в следующий раз, когда ей вздумается поорать, он лично обеспечит ей причину для крика, сунув красивым личиком прямо в огонь.

Мачеха присмирела – понимала, что супруг угроз на ветер не бросает. Но скука никуда не делась, и она нашла себе новую игрушку – меня. Даже будучи наивным девственником, я понимал, чего она хочет, постоянно попадаясь на моем пути в весьма откровенных для того времени пеньюарах, приподнимающих и выставляющих на показ пышную грудь. Но судьба неожиданно предоставила пасынку Лилианы отсрочку – санклитка забеременела.

Женщина долго не могла в это поверить – ребенок был последним, чего бы она хотела. А невеселая перспектива ходить с пузом и рожать вообще сводила ее с ума. Скандалы вспыхнули вновь, но тут же затухли после напоминания отца об огне в камине. Досталось опять слугам. Дня не припомню, чтобы кто-то из горничных не рыдал в уголке – мачехе нравилось бить их, вырывать клочья волос с корнем. Думаю, прислуга откровенно злорадствовала в ту ночь, когда у

Лилианы начались схватки.

Ее крики огласили все окрестные земли. Бранные слова, проклятия и требования «немедля вырезать это отродье, что разрывает меня надвое, из утробы» лились из ее рта, пока на свет не появилась моя сестренка. В тот день я впервые видел первые секунды жизни санклита. Вернее, санклитки – это была крошечная рыжеволосая девочка. Нас, ожидающих, по обычаю, за ширмой, позвали, как только женщина разрешилась от бремени.

Отец увидел полыхающую пламенем головку и вздрогнул. Во мне промелькнула малодушная надежда, что Антун займется воспитанием этого Януша номер два, а меня оставит в покое. Но когда повитуха показала ему гениталии ребенка, отец скривился. Девочка. В кои-то веки я стал не самым большим его разочарованием!

Отец взял тщедушное тельце и переложил дочь на руки смертного, что стоял рядом. Так требовала традиция – первым делом санклит должен забрать жизнь человека, чтобы жить. Мужчина-жертва начал оседать на пол. Антун взял девочку из его рук, когда жизнь была отнята, и передал следующему. Но этот остался жив. Последовал нелестный отзыв о слабости юной санклитки:

– Такая же рохля, как ты, – бросил отец. – Тоже смог в рождение убить лишь одного человека. А вот Януш в день, когда появился на свет, отнял жизнь у двадцати человек! Двадцати! – он развернулся и, даже не глядя на Лилиану, ушел.

Крошка заплакала – тоненько, как котенок, запищала. Но она никому не была нужна. Мать отказалась даже смотреть на нее. Отец тоже ни разу на моей памяти в детскую не зашел. Няньки и кормилицы менялись едва ли не каждую неделю – выносить характер Лилианы не мог никто, даже за большие деньги.

У малышки Катрины остался только брат, сердце которого ей удалось немного отогреть. Проявляя чудеса изобретательности, я прокрадывался в детскую ночами, рискуя быть пойманным и отправленным за непослушание в темницу, укачивал девочку. Ей было также одиноко, как и мне. Наверное, поэтому мы привязались друг к другу.

Отец стал часто уезжать из замка. Зачем – ни я, ни Лилиана не осмеливались спросить. Да ни одному из нас, собственно, и дела не было. Меня радовали передышки, мачеха тоже предпочитала находиться подальше от ненавистного супруга – думаю, еще и потому что не хотела больше рожать. Однажды ночью, когда кроха тихо плакала, я забрал ее к себе в комнату, пользуясь тем, что отец был в отъезде. Лилиана пришла к нам и посмотрела на дочь, что спала на моих руках.

– Совсем на меня непохожа! – женщина сморщила носик. – Вся в Драганов пошла. А этот ужасный цвет волос! Такой только шлюхе подстать!

– Она красавица, – не согласился я.

– Думаешь, что-то и от меня ей досталось? – Лилиана вновь всмотрелась в личико дочери, поняв мои слова по-своему.

Мне пришлось напрячь все силы, чтобы не захохотать в голос.

– Знал бы ты, Горан, как мне одиноко, – мачеха придвинулась поближе. Ее глаза налились слезами, пухлые губы задрожали. – Твой отец такой холодный!

Я отодвинулся, с тоской понимая, что никуда от нее не денусь. Юношеская плоть бурлила, а рядом расхаживала красотка с такими формами, что все мысли вылетали из головы, перемещаясь в нижнюю часть живота. Естественно, она получила то, что хотела, совратив пасынка. Я презирал себя, но ничего не мог поделать. Лилиана приходила в мою спальню, когда ей это взбредало в голову. Но однажды отец все узнал.

Он вышвырнул нас обоих на улицу, и поделом. Но хоть меня и съедало чувство вины, неожиданно все обернулось к лучшему. Я получил свободу! Это было такое пьянящее и неожиданное ощущение, что не сразу удалось понять, что название у него – счастье! Весь мир был моим, делай, что хочешь! Так много перспектив, что сначала я даже растерялся. Несколько лет ушли на путешествия. Затем открыл таверну в Италии.

А потом отец решил меня простить. И все стало, как прежде. Много лет под маской, жестокость, убийства. Я был закрыт ото всех. Никого не пускал в душу. Женщин было много. Лилиана делала все, чтобы меня вернуть, но это лишь

смешило меня. В жизнь вошла Роза, родила мне двойняшек. Но и детей, и ее саму убили. Я ожесточился окончательно, настолько, что отдалился даже от отца, сильно сдавшего к тому времени. Он отошел от дел, возглавить клан должен был кто-то другой. Я вспомнил, что мечтал об этом с детства. И тут появилась она.

Саяна!.. Моя слабость и сила, единственная любовь за три сотни лет! Оказалось, я скучал по ней все эти долгие тоскливые годы, даже не зная об этом. Именно ей отдал свое сердце Неубиваемый Бессердечный Горан Драган, положив его в нежные ладошки. Мне пришлось спасать девушку со скалы, по которой она, смертная, ползла без страховки, рискуя упасть и разбиться. И как только утонул в ее огромных глазищах, путь назад был отрезан.

Я понял это не сразу. Волей судьбы вынужден оказался посадить Саяну под замок, для ее же безопасности. Но какая-то сила неудержимо влекла к ней. А рядом с девушкой мое сердце рвалось прочь из грудной клетки, словно хотело выпрыгнуть в руки к той, которой отныне и навеки принадлежало. Я чувствовал себя подростком рядом с объектом первой любви, охрипшим, со вспотевшими ладонями, глазами, что наполнялись слезами и полыхающим внутри счастьем – она рядом!

Санклиту нельзя любить смертную – мало того, что он опасен для нее, может убить одним прикосновением, а в случае беременности смертельный исход неминуем, так еще существует проклятие. Иногда бессмертный встречает женщину, что становится его наваждением. Одержимый ею, санклит не может находиться вдали от любимой, лишь рядом с ней может дышать. Такую женщину называют Карой Господа. Чаще всего она боится и ненавидит бессмертного, который ее жаждет сильнее всего на свете. Кара Господа умирает, когда заканчивается ее земной срок, и душа санклита умирает вместе с ней. Он оказывается обречен на муки тоски по той, кого уже никогда не сможет вернуть.

Поэтому как бы мне не хотелось признавать, что Саяна – моя Кара Господа, все же пришлось это сделать. Когда она попыталась сбежать, меня ошпарило немыслимой болью. Но в тот же вечер мы впервые поцеловались – да, более непоследовательного и непредсказуемого существа на свете не сыскать! Держать ее в объятиях, изведать вкус губ и наслаждение от прильнувшего горячего тела, упиваться ее стонами! И остановиться неимоверным усилием воли, рыча от желания!

Я принял тот факт, что люблю девушку так сильно, что не могу дышать вдали от нее, а рядом с ней схожу с ума от счастья. Словно нырнул в омут, отдав все на волю Господа. И оказалось, что Саяна тоже любит меня! Мы были так счастливы! И так несчастны, когда испытания посыпались на нас со всех сторон. Сколько раз пришлось расстаться, не сосчитать! Но любовь оказалась сильнее всего!

Пережитое навсегда останется в моей памяти. Каждый момент я бережно храню и яростно охраняю от нападок безжалостного времени. Мое сердце сжимается от боли, когда вижу глаза любимой, у которой отняли наше сокровище – воспоминания обо всем, что нами пережито. Сделаю все, что смогу, чтобы вернуть Саяне каждый драгоценный момент! А пока сберегу, укрою ее от невзгод, спрячу ото всех – мою любимую, родную, желанную! Половинку нашей Древней души…

Глава 9. Ягодки

Саяна

Утром меня разбудили крики, что показались знакомыми. Это из сада? Я встала, накинула халатик и подошла к окну, которое распахнула на ночь из-за жары – не хотелось включать кондиционер, искусственный холод мертвый. То, что происходило в саду, заставило замереть, заглядевшись. Мужчины и женщины в спортивных брюках и майках, разбившись на пары, обменивались ударами. Я искренне пыталась сосредоточиться на их тренировке, но все они отошли на задний план, когда в центр лужайки с коротко подстриженной травой вышли Горан и Нико.

Несуразный богомол атаковал первым, так умело управляясь со своими длинными конечностями, что во мне екнуло сочувствие к Драгану. Но, как оказалось, зря – мощный, высокий санклит играючи уклонялся от его атак, мгновенно переходя в нападение. «Градус» схватки рос, мужчины двигались все быстрее, я едва успевала следить за их выпадами, настолько поглощенная происходящим, что мое собственное тело вздрагивало каждый раз, когда Ковачу все же удавалось задеть Горана. Мы будто двигались вместе с супругом, деля ощущения пополам.

Мужчина тоже, похоже, заметил что-то странное и остановился. Тяжелое дыхание, мокрые пряди, горящий взгляд. Как же он хорош! Я закусила нижнюю губу, сжав подоконник. По телу огненными мурашками пробежались вчерашние ощущения, когда супруг прижимал меня к кровати и целовал, заставляя желать его каждым миллиметром полыхающей кожи.

Драган замер, не сводя с моего лица взгляда. Шальная улыбка расцвела на его губах – которые так хотелось вновь почувствовать на вкус! Еще вчера днем меня плавила обида на него, а теперь не могу даже воскресить в памяти те ощущения, все сметает лавина нежности и страсти! Будь он сейчас рядом!..

– Иди уже, – Нико рассмеялся, – все равно думаешь не о тренировке! Ох уж эти бабы! – богомол поманил к себе блондина. – Спиридон, ты следующий.

Но эта схватка меня не интересовала. Я отошла от окна, поправила одеяльце на малышах, которых вчера уложила спать в колыбельку, и прислушалась к шагам в коридоре. Это он. Стук в дверь. Немного повредничаем, помолчим, не все ему надо мной издеваться! Повторный стук.

– Да.

– Доброе утро, Саяна. – Санклит вошел в комнату.

Еще какое доброе!

– Отлично выглядишь! – близко подходить не стал, но я и отсюда учуять могу – успел заскочить в душ. Представляю, с какой скоростью Горан мылся, чтобы так быстро прийти! С губ сорвался смешок. – Хорошее настроение? – он осторожно подошел ближе и меня окутал его парфюм – надежные древесные нотки, властные мазки мускуса и чувственный шлейф с горчинкой – аромат такой же, как и сам Драган.

– Ага! – я кивнула, утопая в глазах, в которых чертенята отрывались по полной, и тоже сделала шаг вперед. Мужчина облизнул пересохшие губы и убрал руки за спину. Это тебе не поможет, дорогой! Нравится дразнить жену, да? Отлично, давай поиграем в «я не такой, я жду трамвая!» Посмотрим, сколько ты выдержишь!

– Ты завтракала? – голос Горана был хриплым.

– Нет. Так голодна – со вчерашнего вечера, кто бы знал! – промурлыкала я, бессовестно строя глазки. – Покормишь?

– Разумеется. – Он стиснул зубы, заходили желваки.

– Тогда бери колыбель и идем. – Было несложно пройти так близко, чтобы задеть его. От меня не укрылось, как мужчина жадно втянул воздух. Ох уж эти их дворянские заморочки, понятия о чести и прочее! Мазохизм сплошной! – Так ты идешь? – уточнила я, обернувшись у двери.

– Иду. – Прорычал он и двинулся ко мне, бормоча под нос, – Господь, дай сил!

Говорят, кухня – женская сцена. Что ж, наша уютная кухня с деревянной мебелью и белыми каменными столешницами помогла мне начать спектакль. Как приличная девочка, я уселась за стол, и с удовольствием начала кушать кашку с изюмом – медленно, ложечку за ложечкой отравляя ее в рот. Горан, сидевший напротив, стоически за этим наблюдал. Кружка кофе, который он пил, стучала время от времени о его зубы.

Но этого бессовестной супруге оказалось мало. Я попросила фруктов и закатила глаза, застонав, когда сочная вишня лопнула во рту терпко-сладким вкусом. Следом пошел виноград, а потом и клубника. Побледневший Драган поставил чашку на стол и снова стиснул зубы. Его стойкость уже начала меня обижать! Ну уж нет! Тогда повысим градус!

Я встала и медленно подошла к нему. Он оглянулся на дверь, но сбегать было поздно – супруга уже стояла между его широко разведенных коленей.

– Безумно вкусные! – мои пальчики с зажатой вишней приблизились к его рту. – Попробуй! – вишенка скользнула внутрь его рта. Мягкие губы замерли на моих пальцах куда дольше, чем требовалось. Стон Горана заставил застонать и меня. – Вкусно, да? – прошептала я, уже практически прижимаясь к нему.

– О, да, – эхом отозвался санклит, вынув изо рта косточку и положив ее на стол. Горячие ладони легли на мою спину. Вулкан, а не мужчина!

– Попробуй клубнику! – ароматная ягода отправилась в его рот. Не выдержав, он перехватил мою руку и поцеловал сначала запястье, а потом каждый пальчик, заставив задрожать от желания.

– Рада, что тебе понравилось. – Я выскользнула и отошла от него. Он встал и направился следом за мной. – Драган, если твои глаза будут так гореть, огнетушитель возьму! – предупредила я.

– Не поможет! – фыркнул он, сделав еще шаг ко мне.

– Попробуем? – отступаем назад. Ой, уже некуда – столешница холодит попу, которая нашла, похоже, себе приключения!

– Бессовестная! – мужчина прижался ко мне всем телом, дав почувствовать свое желание. – За что так мучишь мужа? – стальное кольцо питоном медленно сдавило талию. – Ведь остатки разума растерял уже! Так по тебе соскучился, злая моя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/amelicheva_elena/drevnyaya-dusha-drakony-i-padshie

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити